

На правах рукописи

Гайденко Павел Иванович

**Становление высшего церковного управления
в Киевской Руси**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание учёной степени
доктора исторических наук

Екатеринбург– 2011

Работа выполнена на кафедре истории и культурологии Федерального государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Казанский государственный архитектурно-строительный университет»

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук,
профессор

Данилевский Игорь Николаевич

доктор философских наук

Милюков Владимир Владимирович

доктор исторических наук,
доцент

Мининкова Людмила Владимировна

Ведущая организация

**Санкт-Петербургский Институт
истории Российской академии наук**

.

Защита состоится «14» октября 2011 г. в __ часов на заседании диссертационного совета Д 212.285.16 при ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина» по адресу: 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51, зал Ученого совета, комн. 248

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке

Автореферат разослан «_____» _____ 2011 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
доктор исторических наук, доцент

Л.Н. Мазур

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Среди вопросов истории древнейшего периода российской государственности особенную остроту и актуальность приобретают проблемы возникновения и развития церковной организации. Это объясняется как необходимостью совершенствования научного исторического знания, так и развитием социально-политических процессов в современном российском обществе. С одной стороны, научное сообщество уже давно осознало неотъемлемость истории русской церкви от истории российской государственности. С другой стороны, в современном российском обществе всё большее значение приобретает деятельность различных религиозных институтов, среди которых доминирующее положение сохраняется за русским православием. В сложившихся условиях исследование исторического опыта взаимодействия церкви и государства позволяет углублённо рассмотреть не только процессы формирования систем государственного и церковного управления в Древней Руси, но и проследить эволюцию внутреннего развития, устройства и взаимопроникновения религиозных и «гражданских» институтов на более поздних этапах развития нашего общества.

В представленной диссертации предпринята попытка реконструкции процесса становления высшего церковного управления в контексте социально-экономических и политических процессов, развивавшихся в древнерусском обществе. В Древней Руси под высшим церковным управлением могут пониматься не только органы митрополичьей власти, но и органы епархиального и монастырского управления. В данном исследовании мы *ограничиваем высшее церковное управление институтом киевских митрополитов*.

Традиционно принято считать, что прибывшее на Русь в конце 80-х годов XI в. духовенство принесло с собой ясно сложенную организационную церковную структуру. Однако при детальном рассмотрении вопросов, связанных с организацией церкви и выполнением ею каких-либо функций в восточнославянском обществе, приходится признать, что ситуация не так однозначна. Во-первых, трудноопределим статус возникшей в период правления Владимира Святославича русской церковной организации: была ли она митрополией, архиепископией, епископией, епископской или пресвитерской миссией. Во-вторых, крайне сложно выявить первоначальное число первых епископских кафедр и степень их подчинённости митрополиту и Константинополю. В-третьих, ещё более тёмна проблема о структуре приходской организации в Киевской Руси. В-четвёртых, имеющиеся на сегодняшний день источники не позволяют однозначно говорить о способности митрополитов на раннем этапе истории Русской церкви обладать полнотой канонической власти на всей территории вверенного ему церковного округа (диоцеза). На Руси возникли своеобразные формы церковной жизни, отличные от тех, что существовали в Византии и у южных славян.

Пытаясь реконструировать структуру древнерусской церковной организации, большинство исследователей XIX в. исходили из того, что формы церковной жизни восточных славян были обусловлены, прежде всего, влиянием Византии. В завершённой форме эта точка зрения получила своё обоснование в «Истории русской церкви» митр. Макария (Булгакова). В дальнейшем до Октябрьской революции 1917 г. этот подход стал одним из доминирующих при изложении событий церковного прошлого нашего отечества в курсе духовных учебных заведений Русской православной церкви (далее – РПЦ) и университетском курсе церковного права.

С точки зрения богословия «земная» церковь двучастна и состоит из священной иерархии и прихожан¹. Особым положением отличаются готовые к святому крещению – «оглашенные». Это внутреннее деление «церкви» нашло своё выражение и в символическом устройстве храмов, и в структуре богослужения. Таким образом, можно заключить, что неотъемлемой частью церкви является не одно лишь духовенство, но и прихожане, представленные самыми разнообразными слоями восточно-славянского общества, в том числе боярством (дружиной), представителями городской верхушки и членами княжеского рода². В этих условиях вопрос о церковно-государственных отношениях приобретает особую сложность, потому что при данном рассмотрении проблемы князя, как, впрочем, и всякий, кто был крещён, не только могут, но и должны рассматриваться как часть церкви. И для этого утверждения есть свои догматические и канонические основания. Стремясь вывести понимание церкви за узкие рамки клира, выдающийся церковный историк В.В.Болотов отмечал, что «в Церковь входит весь народ: <...> церковная история не должна сводиться к истории отдельных лиц, она должна быть историей всего народа»³. В итоге при оценке церковно-княжеских связей нельзя исключать то обстоятельство, что в своих отношениях с церковной иерархией князья могли руководствоваться не только политическими и экономическими соображениями. При принятии решений правители Руси, как верующие люди, могли и должны были исходить также из своих религиозных убеждений⁴, и прибегать к помощи и благословению церковной иерархии.

Включённость Церкви в политическую жизнь русских элит не означала автоматического возникновения доверия к христианской организации со стороны великокняжеской администрации. Противоречивость ситуации объяснялась тем, что в Византии церковь использовалась для проповеди византий-

¹ Макарий (Булгаков), митр. Православно-Догматическое богословие. СПб., 1883. Т. 2. С. 210-211.

² Мусин А.Е. Milites Christi Древней Руси: Воинская культура русского средневековья в контексте религиозного менталитета. СПб., 2005.

³ Болотов В.В. Лекции по истории древней церкви. Минск, 2008. Т. 1-2. С. 25.

⁴ Характерен пример Ольги (Память и похвала князю Владимиру // Богословские труды. М., 1989. Т. 29. С. 45-46).

ской культурно-политической гегемонии и решения внешнеполитических вопросов. Происходившее ни в коем случае не было насилием над византийской церковью и во многом было явлением не только естественным, оправданным, но и откровенно одобряемым со стороны церковной иерархии империи⁵. Подобное развитие ситуации было характерно и для Руси. Рюриковичи стремились ослабить византийское и усилить местное влияние на церковную иерархию Руси.

В настоящей диссертации предпринята попытка реконструкции деятельности митрополитов, исходя из состояния церковно-государственных отношений, существовавших на Руси. Наиболее удачно категория «церковно-государственные отношения» разработана в исследовании О.М.Билоус. При рассмотрении церковно-государственных отношений как объекта политологического анализа, была предложена следующая формулировка: *церковно-государственные отношения представляют собой «совокупность форм социально-политических, правовых, экономических и морально-этических норм и связей между институтами государства и церкви»*⁶.

Как уже было отмечено, категория «церковь» не может быть сведена исключительно к клиру (священнослужителям и монашествующим). С институциональной точки зрения границы церкви лишены желаемой нами конкретности. С одной стороны, согласно каноническому праву, от имени церкви имели (и имеют) право говорить лишь епископат и соборы, а с другой – история церкви полна прецедентами того, что носителями и хранителями догматических и канонических основ христианства выступали не высшие иерархи, а «рядовое» духовенство и миряне. Проблема понимания устройства церкви, её функций и границ была разработана в работах русских церковных историков еп. Филарета, М.Э.Поснова, В.В.Болотова, Н.Д.Тальберга и др.⁷. Предлагавшиеся большинством из них формулировки выводили историю церкви из плоскости социально-экономической и политической деятельности в область религиозной идеологии. В предпринятом нами исследовании под «церковью» мы понимаем, прежде всего, *иерархический институт, представленный различными степенями церковной иерархии, монашеством и церковными людьми согласно церковным княжеским уставам*.

Не менее трудно определить границы «высшей церковной иерархии». В условиях древней Руси это были не только митрополиты, архиепископы и епископы, но и игумены монастырей, а также часть соборного духовенства,

⁵ Иванов С.А. Византийское миссионерство: Можно ли сделать из «варвара» христианина? М., 2003.

⁶ Білоус О.М. Державно-церковні відносини як об'єкт політологічного аналізу: Автореф. дис. ... к.політ.н. Київ, 2004. С. 2.

⁷ Филарет, архиеп. История Русской церкви: в пяти периодах. М., 2001; Болотов В.В. Указ соч. С. 21-25; Поснов М.Э. История Христианской Церкви (до разделения Церквей – 1054 г.). Брюссель, 1964. С. 11-13; Тальберг Н. История Христианской Церкви. М.; Нью-Йорк, 1991. С. 80-82.

как это можно видеть на примере Анастаса Корсунянина, руководившего или, по меньшей мере, участвовавшего в руководстве церковной организацией Руси в первые годы своего пребывания в Киеве. Но традиционно принято считать, что важнейшим церковным институтом древней Руси был институт её столичных предстоятелей. Поэтому в настоящей диссертации мы *ограничиваемся рассмотрением, прежде всего, митрополичьего управления*. Сюжеты, связанные с деятельностью остального епископата и духовенства, призваны расширить картину жизни древнерусской церковной организации и в условиях недостатка прямых свидетельств о жизни киевских митрополитов и способствовать реконструкции деятельности столичных первоиерархов.

Не менее сложно определить, что есть у восточных славян «государство», точнее, что, или какая именно социально-политическая сила или социально-политический институт должен отождествляться с государством⁸. *Вернее всего в условиях древнерусского общества IX-XII вв. отождествить с государством, прежде всего, княжескую власть*, выполнявшую все основные функции: политическую, судебную, военную и даже религиозную⁹. Несомненно и то, что в домонгольской Руси «государственные» функции могли быть свойственны *в том числе и городскому общинному самоуправлению, с присущими ему традиционными формами публичной власти, как, например, вече*¹⁰. Изменения в структуре государственной власти на Руси неминуемо должны были проводить к изменению церковно-государственных отношений.

Существовавшие X-XII вв. отношения между властными институтами Киевской Руси и церковью ещё нельзя называть «симфонией». Симфония светской и церковной власти к началу христианской проповеди византийских миссионеров в землях Киевской Руси составляла одну из основ религиозного мировоззрения греческого клира. Однако религиозно-политические реальности молодого древнерусского государства принципиально отличались от тех, в которых жили византийцы. Как удачно отметил Н.Покровский «базовая

⁸ Вопрос о том, что следует понимать под государством в Киевской Руси не имеет однозначного решения. В этот период мы, во-первых, не можем наблюдать классов; во-вторых, отсутствует «единый аппарат насилия»; киевский великий князь не обладает исключительным правом издания законов (См.: *Данилевский И.Н.* Русские земли глазами современников и потомков (XII-XIV вв.). С. 164-165). А.А.Горский особо оговаривает особенности «социальной элиты» Руси, которая представлена князем и дружиной, по сути выполняющих и функции «государственного аппарата» (См.: *Горский А.А.* Русь: От славянского расселения до Московского царства. М., 2004. С. 108-114).

⁹ *Фроянов И.Я.* Начала русской истории: Избранное. М., 2001. С. 500-517.

¹⁰ *Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь: очерки социально-политических отношений в домонгольский период. Князь, Бояре и городская община. СПб., 2001. С. 34-35; *Лукин П.В.* О так называемой многозначности понятия «вече» в русских летописях. Домонгольское время // Неисчерпаемость источника. К 70-летию В. А. Кучкина. М., 2005. С. 39-40; *Викул Т.Л.* Люди князь в древнерусских летописях середины XI-XIII вв. М., 2009. С. 226-231.

православная теория «симфонии» между церковью и государством, а также между их руководителями изначально имела существенно различное звучание в Царьграде и Киеве»¹¹. Византийская модель церковно-государственных отношений возникала в условиях соборной жизни. Однако о полнокровной соборной жизни в киевском государстве говорить крайне сложно. При этом было бы ошибкой преувеличивать политическое влияние церковной иерархии в Киевской Руси. Анализируя отношение к христианству со стороны различных слоёв общества, В.П.Даркевич пришёл к выводу, что степень признания авторитета духовной иерархии было различной и для разных социальных слоёв, и даже для отдельных личностей¹². В таких условиях не могло быть и речи не только о равноправных, но на начальном этапе христианизации и паритетных отношениях между церковью и княжеской властью.

Всё вышеперечисленное определяет научную значимость и актуальность изучения высшего церковного (митрополичьего) управления в Киевской Руси.

Объектом исследования служат церковно-государственные и межкняжеские отношения, позволяющие выявить объём канонических, административных ресурсов и экономических возможностей киевских митрополитов на различных этапах развития древнерусского государства.

Предмет исследования диссертации – процесс формирования и эволюции института киевских митрополитов в конце X – второй половины XII вв. в контексте церковно-государственных и межкняжеских отношений. На протяжении всего исследуемого периода русские первосвятители находились в одновременной зависимости, во-первых, от Константинополя, нередко возлагавшего на митрополитов дипломатические функции, и, во-вторых, от политической ситуации на самой Руси. Высокий уровень развития византийской государственной и религиозной культуры, главным носителем которой выступало прибывшее на Русь греческое и болгарское духовенство, был отличен от реалий, присутствовавших в государстве восточных славян.

Хронологические рамки обусловлены самим объектом исследования. Нижняя граница – 988 г. – определяется фактом первого упоминания о появлении церковной иерархической структуры на Руси. Сведения письменных источников о времени возникновения русской митрополии противоречивы. Но возникновение у восточных славян церковной организации, отождествляемой с «митрополией», традиционно связывают именно с легендарными событиями крещения Руси. Верхняя же хронологическая граница – вторая половина XII в., объясняется событиями, связанными с возникновением великого княжения во Владимире и началом ослабления политического, а вместе

¹¹ Покровский Н. Власть и церковь на Руси. С. 70-75.

¹² Даркевич В.П. К вопросу о «двоеверии» в Древней Руси // Восточная Европа в средневековье: Язычество, христианство, церковь (Тезисы докладов): Чтения памяти В.Т.Пашуто / отв. ред. А. П. Новосельцев. М., 1995. С. 11-14.

с ним и религиозного влияния Киева. В рассматриваемый временной период гарантом единства русской церковной организации выступала великокняжеская власть. Именно она была той силой, которая обеспечивала эффективность митрополичьего управления, способствовала укреплению авторитета церковной иерархии, пресекала возможность устойчивого существования иных митрополий. Утрата киевскими князьями «безусловного» господства над княжеским родом в дальнейшем привела к процессам политического обособления от Киева не только территорий Северо-Восточной Руси и Западнорусских земель, но и их церковных структур. Однако эти процессы выходят за рамки предпринятого исследования и требуют специального самостоятельного изучения.

Территориальные рамки работы охватывают территорию бывшего древнерусского государства, Киевской Руси. При этом особое внимание исследования сосредоточено на жизни киевской городской общины. Кроме этого в поле зрения исследования оказывались некоторые стороны социально-политической и религиозной жизни Византии, Хазарии, Болгарского царства, Скандинавии и некоторых государств Западной Европы (Германии, Польши, Чехии и Венгрии).

Цель исследования – на основе анализа церковно-государственных отношений в Киевской Руси в конце X – второй половине XII вв. реконструировать основные этапы формирования и развития института киевских митрополитов и охарактеризовать объем их канонических полномочий.

Задачи исследования:

- ✓ установить влияние социальных, внутривосточных и внутримитрополических процессов на развитие института киевских митрополитов;
- ✓ определить место киевских первосвященников в церковно-государственных и межкняжеских отношениях и степень вовлечённости столичных иерархов в политические процессы восточнославянского общества на различных этапах развития Киевской Руси;
- ✓ выявить изменение объёма канонических, судебных, административных прав киевских митрополитов внутри самой церковной организации Руси.

Методологическую основу данного диссертационного исследования составили принципы исторического познания – научность, историзм, комплексность научного анализа. Исследование велось с позиций критического сравнительного анализа имеющихся точек зрения на историю церковно-государственных отношений в Киевской Руси.

В основу диссертационной работы был положен эволюционный подход. Традиционно в историографии религиозно-политическая жизнь Руси конца X – первой половины XII веков представлена как единый этап, анализируя который исследователи легко отождествляли события и процессы, раз-

делённые между собой десятилетиями, а порой и целым столетием. В итоге в научной литературе, посвящённой каноническо-правовым аспектам жизни древнерусского общества, сложился устойчивый стереотип, заключающийся в том, что комплекс прав и обязанностей киевских митрополитов в целом был постоянным и был заимствован из византийской церковной жизни уже в первые годы после Крещения Киева и главных политических центров. Однако, такой взгляд на прошлое неоправдан. Появление или исчезновение в летописании тех или иных событий, связанных с деятельностью русских перво-святителей, позволяет говорить о том, что комплекс канонических прав киевских иерархов не был постоянным, изменялся в зависимости от политической ситуации в восточнославянском обществе и конъюнктуры внутри правящей династии. Поэтому религиозная жизнь восточнославянского общества может быть разделена на этапы, во многом совпадающие с этапами политического и административного развития древнерусского государства. В свою очередь, заявленный подход позволил не только выявить периоды становления института киевских митрополитов, но и проследить закономерности в изменении круга властных (канонических и политических) полномочий столичных первоиерархов.

При этом мы использовали три основных метода:

1) *хронологический*, при котором тот или иной тезис в отношении церковного управления или форм церковно-государственных отношений выявлялся в его временной последовательности;

2) *проблемный*, позволяющим оценить, как часто древнерусские источники упоминали то или иное явление церковной и политической жизни Руси, как при этом изменялись качественные стороны того или иного явления, и, наконец, как факты религиозной жизни вписывались в реалии древнерусского государства.

3) *периодизации*, использование которого позволило выявить в религиозно-политической жизни Киевской Руси основные этапы, о которых в отечественной историографии, как в церковной, так и в гражданской, пишется крайне мало.

При решении задач периодизации церковной жизни в Киевской Руси было проведено сравнение политических и внутрицерковных процессов. В свою очередь это способствовало установлению зависимости жизни и деятельности киевских иерархов от изменений, наблюдавшихся в жизни правящей династии и в древнерусском обществе в конце X – второй половине XII вв.

Использование эволюционного подхода и сопутствующих ему методов предоставило возможность проследить последовательные изменения в объёме канонических и политических прав митрополита, связанных не столько с влиянием Константинопольского патриархата, сколько с изменениями в политической жизни Руси. В работе мы старались достичь объективности в понимании прошлого. Частью исследовательской процедуры являлся метод гер-

меневтики. При работе над диссертацией мы стремились оставаться в рамках строгих правил исторической интерпретации событий прошлого.

Научная новизна диссертации определяется новым подходом к предмету исследования. В работе впервые для отечественной историографии на основе значительного корпуса источников и историографического материала предпринята попытка комплексного исследования и реконструкции объёма прав, обязанностей и основных направлений деятельности киевских митрополитов в Киевской Руси. При этом впервые деятельность митрополитов представлена в форме эволюционного процесса, обусловленного, во-первых, социально-экономическими отношениями на самой Руси и, во-вторых, уровнем и интенсивностью церковно-государственных отношений в периоды великих княжений Ярослава Мудрого, Изяслава Ярославича, Святослава Ярославича, Всеволода Ярославича, Святополка Изяславича, Владимира Мономаха и Мстислава Великого.

На защиту выносятся следующие **основные положения диссертационного исследования**:

1. Возникновение и развитие института киевских митрополитов было обусловлено политическими интересами великокняжеской власти. Это объясняется дипломатическими нуждами, а так же интересами внешне- и внутривластных престижа;
2. Объём канонических и иных прав митрополита на Руси возник как результат эволюции церковно-государственных отношений. Процесс возрастания церковного и политического авторитета киевских первосвятителей не был поступательным и в своих основных периодах совпадал с годами правления великих князей, основными этапами социально-экономического, политического и административно-территориального развития Киевской Руси;
3. Степень канонического единства территории древнерусской церковной организации отражало социально-политическую ситуацию на Руси. Административно-территориальные пределы канонической власти киевских митрополитов, как правило, ограничивались пределами территорий, подконтрольных великому князю.
4. Основным гарантом экономического благополучия митрополитов на протяжении всей истории Киевской Руси оставались либо великие князья, либо претенденты на великокняжеский престол. Именно поэтому митрополиты стремились к союзу с великим князем, а влияние киевских святителей продолжительный период было ограничено, в лучшем случае, великокняжеской семьёй.

Работа потребовала определённого пересмотра некоторых терминологических категорий. В результате в исследовании уточнено применение понятий «епархия» и «епископия». Это было сделано применительно к реалиям канонической и политической жизни Киевской Руси.

Для преодоления историографических противоречий в оценках формы канонической организации русской церкви (была ли она миссией, епископией, архиепископией, митрополией, союзом митрополий) и её статуса (автономная церковь, митрополия с широкой автономией, экзархат или рядовая митрополия) на раннем этапе христианизации Руси в диссертации был применён термин «древнерусская церковная организация». В данном исследовании эта категория иногда используется как синоним «митрополии». Внесение ясности в терминологический аппарат вызвано необходимостью реконструкции форм митрополичьего и епископского управления и установления канонических и административных границ епископской власти.

Практическая значимость диссертации. Материалы исследования, наблюдения и выводы могут быть использованы в научной и преподавательской деятельности при разработке учебных курсов по истории Древней Руси, истории русской церкви, культурологии, политологии, религиоведению, теологии, церковному праву. Собранные и обоснованные положения диссертационного исследования могут способствовать развитию комплекса представлений о русской церкви, её высшем управлении и динамике развития церковно-государственных отношений в древнерусском государстве. Всё это позволяет выстроить более чёткую картину религиозной жизни Руси и более ясно представить место киевских митрополитов в политических и церковных процессах раннего периода русского Средневековья.

Апробация результатов работы. Диссертация обсуждалась, получила положительную оценку и была рекомендована к защите на заседаниях кафедры истории и культурологи Казанского государственного архитектурно-строительного университета (КГАСУ) и кафедры отечественной истории Казанского государственного университета (Приволжского федерального университета).

Основные положения диссертации апробированы автором в докладах и сообщениях на семинаре Центра истории религии и церкви ИРИ РАН [апрель 2008 г.], научных международных, всероссийских и региональных конференциях [«Православие в поликонфессиональном обществе: история и современность» (Казань, 2005), «Актуальные проблемы государственной инновационной политики (региональный аспект)» (Казань, 2005), «Общество, государство, верховная власть в России в Средние века и раннее Новое время в контексте истории Европы и Азии (X-XVIII столетия)» (Москва, 2005), Первые казанские социологические чтения «Современной российское общество: состояние и перспективы» (Казань, 2006), «Человек в культуре русского барокко» (Москва, 2006), «Человек в мире культуры: исследования, прогнозы» (Казань, 2007), «Философия и методология истории» (Коломна, 2007), «Вспомогательные исторические дисциплины – источниковедение – методология истории в системе гуманитарного знания» (Москва, 2008), «Философское и педагогическое наследие: Вторые Махмутовские чтения» (Казань, 2008), «Финно-угры – славяне – тюрки: Опыт взаимодействия (традиции и

новации)» (Ижевск, 2009), «Христианское просвещение и русская культура» (Йошкар-Ола, 2006, 2007, 2008, 2009, 2010, 2011), «Каптеревские чтения» (Москва, 2008, 2009), «Человек верующий в культуре Древней Руси» (Санкт-Петербург, 2005, 2009, 2010), «Зиминские чтения» (Москва, 2010), «Православие в судьбе Урала и России: история и современность» (Екатеринбург, 2010), «Религия в меняющемся мире» (Санкт-Петербург, 2011)], на кафедре истории и культурологии Казанского государственного архитектурно-строительного университета.

Основные положения исследуемой темы нашли отражение в двух монографиях, учебном пособии, статьях научных журналов и других публикациях автора общим объёмом около 67 п.л., в том числе в журналах, рекомендованных ВАК РФ (11 статей).

Структура диссертации определяется целью, задачами и логикой исследования. Диссертация состоит из введения, четырёх глав, разделённых на параграфы, заключения, списка источников и литературы, а также списка использованных сокращений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** даётся обоснование темы диссертации, объясняется её актуальность, определяются объект, предмет и хронологические рамки исследования, формулируются цели и задачи работы, обозначается её методологическая основа, даётся частичная характеристика степени изученности темы и насыщенности источников, необходимых для заявленного исследования. Здесь же уточняется используемый категориальный аппарат, использующийся в диссертации для описания церковной жизни.

Первая глава исследования «Источники и литература» посвящена обзору наиболее важных источников и исследований, использованных при написании диссертации.

В **параграфе 1.1. «Основные источники»**, проведён анализ письменных и иных источников, использованных при написании работы.

В данной части работы предпринята систематизация различных опубликованных письменных памятников и систематических отчётов об археологических и искусствоведческих исследованиях древнерусских церковных памятников. Используемые для написания работы источники сгруппированы следующим образом: древнерусские летописи, каноническо-правовые и актовые источники, назидательные и иные послания русских митрополитов, агиографические и богословские сочинения, зарубежные (западноевропейские и византийские) нарративные источники, берестяные грамоты, археологические материалы и иные материальные памятники культуры и искусства Киевской Руси, отечественные и зарубежные фольклорные материалы.

Число известий о древнейшем периоде жизни русской церкви не велико и большинство из них имеют спорадический и косвенный характер. Эти

сообщения сохранены в источниках неравномерно как по времени, местам событий, социальному составу основных участников зафиксированных событий, так и по группам самих источников. Сложившееся положение дел объясняется как спецификой различных памятников, так и обстоятельствами, вызванными временем, условиями и целями их создания. Прежде всего, это касается письменных памятников, ценнейшими из которых остаются древнерусские летописи. Самые важные из них: Повесть временных лет, новгородские своды, Степенная книга, Хронограф, Никоновский свод, – наиболее наглядно отразили то, как на содержание исторической памяти влияли не только личные качества и интересы заказчиков и составителей-переписчиков, но и политические, религиозные и идейные процессы, оказывавшие значительное влияние на работу редакторов-составителей.

Особую ценность представляют каноническо-правовые источники: княжеские уставы церкви и купчие Антония Римлянина. Их появление и содержание во многом наиболее наглядно отражают степень феодализации Руси и сближения древнерусской церковной организации с местными политическими элитами. Не меньшую значимость для понимания уровня христианской зрелости различных слоёв местного населения имеют памятники, отражающие богословские, естественнонаучные и исторические интересы восточнославянского общества. Безусловную ценность для реконструкции прошлого имеют памятники архитектуры, иконописи и результаты археологических исследований.

В параграфе обращено внимание на отсутствие комплексных сводов источников или хрестоматий по истории русской церкви. Сложившаяся ситуация значительно осложняет работу исследователей, поскольку затрудняет возможность воссоздания адекватного представления о состоянии источников по истории русского православия и церковно-государственных отношений. Имеющиеся на сегодняшний день своды и хрестоматии по истории древнерусской церкви лишь частично компенсируют этот недостаток, поскольку отражают лишь отдельные сферы деятельности церкви. Главным образом это касается области древнерусского права, полемических сочинений и некоторых иных сторон религиозной жизни восточных славян. Вместе с этим следует признать в целом хорошую изученность источников по истории Киевской Руси и её церковной организации. Это позволяет проследить сведения различных источников о деятельности русской церковной иерархии и княжеской власти в области религиозно-политических отношений и произвести реконструкцию деятельности института киевских митрополитов в Киевской Руси.

В параграфе 1.2. «Обзор литературы» на основе исследованной литературы обобщена история изучения истории церкви и церковно-государственных отношений, отмечено, что начало системного научного изучения истории церкви было связано с политическими процессами XIX в.,

вхождением церковных академических школ в систему светского образования и возникновением учебного курса русской церковной истории.

Существовавшие к концу XVIII в. работы не ставили своей целью написания церковной истории. Она представляла лишь как часть русской истории. При описании Киевской Руси внимание авторов, как правило, было сосредоточено на знаковых событиях, например, принятие княгиней Ольгой Христианства или крещение Руси. Интерес авторов привлекали личности князей, митрополитов и высота церковного служения по распространению новой веры. С различной степенью эти позиции прослеживаются в работах архим. Иннокентия Гизеля, М.В.Ломоносова, В.Н.Татищева, митр. Димитрия Ростовского и кн. М.М.Щербатова. Главной заслугой данных исследователей стало создание периодизации древнейшего периода истории русской церкви и установление связей между событиями «гражданской» и церковной истории¹³.

Первым крупным шагом в создании русской церковной истории, а вместе с этим и реконструкции древнейшего периода жизни русского православия стали работы Платона (Левшина) и Евгения (Болховитинова)¹⁴. На эти же годы приходятся усилия И.Ф.Г.Эверс по реконструкции судебно-правовой деятельности в древней Руси, в том числе и в области церковных отношений¹⁵.

Основателями истории русской церкви как науки стали епископ Филарет Гумилевский и прот. А.Горский. Сочинение святителя Филарета выполняло несколько функций одновременно. Оно было первым комплексным научным исследованием истории русской церкви, учебником и помимо всего предназначалось для назидательного чтения¹⁶. В итоге историк-иерарх идеализировал историю христианства в Киевской Руси. Отцу Александру Горскому принадлежит заслуга создания основ церковного источниковедения. Взгляды и научные подходы к исследованию прошлого и его изложению у знаменитого протоиерея и ректора Московской Духовной Академии имели

¹³ Знаменский П.В. Исторические труды Щербатова и Болтина в отношении к русской церковной истории // Труды Киевской духовной академии, 1862. Т. 2. С. 31-78; Он же. «История Российская» В.Н.Татищева в отношении к русской церковной истории // ТрКДА, 1862. Т. 1. С. 197-228; Мечта о русском единстве: Киевский Синописис (1674). М., 2006; Татищев В.Н. История Российская. М., 2005. Т. 1, 2; Ломоносов М.В. Записки по русской истории. М., 2003.; Димитрий Ростовский, свт. Летопись. Синописис. М., 1998; Щербатов М.М. История российская от древнейших времен. Т. 1-2. СПб., 1901.

¹⁴ Платон (Левшин), митр. Краткая церковная российская история. М., 1805. Т. 1, 2; Евгений (Болховитинов) Описание Киево-Софийского собора и киевской иерархии. Киев, 1825.

¹⁵ Эверс И.Ф.Г. Древнейшее русское право. СПб., 1835.

¹⁶ Филарет, архиеп. История Русской церкви: в пяти периодах. М., 2001; Карташев А.В. Краткий историко-критический очерк систематической обработки русской церковной истории // Христианское чтение. 1903. Июль. С. 78, 81.

не столько социально-историческое, сколько искусствоведческое и культурологическое основание.

Приход в церковную историческую науку гражданских исследователей был ознаменован трудами Н.А.Муравьёва и С.А.Тургенева. Первый оставил о себе память главным образом как церковный писатель и «популяризатор» церковной истории. Назвать его учёным даже с точки зрения норм начала XIX в. сложно¹⁷. С.А.Тургеневу принадлежит заслуга введения в научный оборот большого числа средневековых западноевропейских письменных памятников по истории древней Руси и русской церкви домонгольского периода¹⁸.

Медленное развитие знания в области церковной истории в первой половине XIX в. во многом объяснялось жёсткими нормами церковно-государственной цензуры и монополизацией церковью права на исследование религиозного прошлого России¹⁹. В итоге, уже в середине XIX в. духовные академии переживали тяжелейший кризис, поскольку не были способны конкурировать с университетами²⁰. Поэтому реформы эпохи Александра II в области образования создали благоприятные условия для развития исторического знания, в том числе в области церковного прошлого древней Руси.

В эти годы выходит «История русской церкви» митр. Макария Булгакова. С точки зрения методологии исследование не было безупречным, однако труд поразил современников объёмом изученных памятников, широтой эрудиции автора, систематичностью и исследовательской аккуратностью. Ранний период истории русской церкви (Киевский или Домонгольский) у Макария (Булгакова) занял два обширных тома²¹. Церковный историк представил прошлое церкви в плоскости различных срезов церковной жизни: быт, нравы, церковное управление, богослужение, монастыри и т.д. В итоге церковная жизнь каждого из периодов представляла почти неподвижной, статичной, а деятельность иерархов была изложена с позиции провинциализма. Но та полнота, с которой Макарий изложил материал, компенсировала все перечисленные недостатки.

Семидесятые годы XIX столетия ознаменовались выходом ряда работ, посвящённых истории русской церкви древней Руси и Киевской Руси в частности. В ряду таких оригинальных сочинений можно назвать магистерскую

¹⁷ Муравьёв А.Н. История Русской церкви. М., 2002; Хохлов Н.А. Андрей Николаевич Муравьёв – литератор. СПб., 2001. С. 188-189.

¹⁸ Русский биографический словарь. 2001. Т. 15. С. 254-257.

¹⁹ Смыков Ю.И. История России: XIX век: Хрестоматия. Казань, 2007. С. 67; Солнцев Н.И. Труды русских историков церкви в отечественной историографии XVIII – XIX веков: дисс. д.и.н. Нижний Новгород, 2009. С. 90.

²⁰ Богемская Н.И. Реформа системы образования Русской православной церкви и её влияние на последующую деятельность духовенства: 1860-1880 гг.: дисс. ... к.и.н. Л., 2004. С. 68-94.

²¹ См.: Макарий (Булгаков), митр. История Русской Церкви. М., 1994. Кн. 1; 1995. Кн. 2.

работу Н.Ф.Каптерева «Светские архиерейские чиновники в древней Руси»²², сочинение И.Малышевского «Евреи в южной Руси и в Киеве в X-XII в.»²³. Основное содержание книги Н.Ф.Каптерева, впрочем, как и большая часть его научного наследия, было посвящено московскому периоду истории русской церкви, однако сделанные им замечания в отношении киевского периода оказались не менее значимыми. Учёный высказал идею постепенного, самобытного, эволюционного развития епархиального управления в домонгольской Руси. Не менее важным было то, что Н.Ф.Каптерев связывал процесс формирования церковного управления у восточных славян не с греческим влиянием, а с местными политическими процессами²⁴.

В 1877 г. впервые публикуется работа П.М.Строева «Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской Церкви»²⁵. Это обширное справочное издание охватывало всю историю высшей церковной иерархии русской церкви.

70-е – 80-е годы XIX в. были отмечены появлением нового цикла работ в области исследования церковных источников. Прежде всего, это работы В.Малинина и И.В.Ягича. Первый из них занимался описанием «Златоструя» по рукописи XII в. из императорской публичной библиотеки²⁶. А И.В.Ягич задумал обширный труд, призванный систематизировать древнерусские богослужебные книги и тексты²⁷. Важным шагом стали исследования И.А.Шляпкина и Н.Я.Аристова по истории древнерусской духовной литературы. Значительный интерес представляет попытка Н.Я.Аристова вписать экономическую жизнь церкви в экономические процессы, протекавшие в самой Руси²⁸. В 1869 г. была защищена и опубликована обширная докторская работа бывшего профессора Казанской духовной академии А.С.Павлова «Первоначальный славяно-русский Номоканон»²⁹.

Важным направлением церковной исторической науки стала история русской апологетики. В 1867 г. иеромонахом Августином (Гуляницким) была написана большая работа по полемическим антилатинским и противоиудейским сочинениям древней Руси³⁰. А в 1897 г. под редакцией и с коммента-

²² Каптерев Н.Ф. Светские архиерейские чиновники в древней Руси. М., 1874.

²³ Малышевский И. Евреи в южной Руси и в Киеве в X-XII веках // Труды Киевской Духовной Академии. 1878. Июнь. № 6. С. 565-602; Сентябрь. № 9. С. 427-504.

²⁴ Каптерев Н. Светские архиерейские чиновники в древней Руси. С. 6-7.

²⁵ Строев П.М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской Церкви. М., 2007.

²⁶ Малинин В.В. Исследование Златоструя по рукописи XII в. императорской публичной библиотеки // Труды Киевской духовной академии. 1878. Июнь-ноябрь.

²⁷ Ягич И.В. Служебные минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь. В церковно-славянском переводе по русским рукописаниям 1095-1097. СПб., 1886.

²⁸ Аристов Н.Я. Промышленность Древней Руси. СПб., 1866.

²⁹ См.: Павлов А.С. Первоначальный славяно-русский Номоканон. Казань, 1869.

³⁰ Августин, иером. Полемические сочинения против латинян, писанные в русской церкви в XI и XII в. – в связи с общим историческим изысканием относительно разностей между восточною и западною церковью // Тр. КДА. 1867. Т. 2. С. 352-381; Т. 3. С. 461-521.

риями А.И.Плетнёва был опубликован обширный обзор полемических источников древней Руси³¹.

Самым знаменательным трудом конца XIX – начала XX веков стала «История русской церкви» Е.Е.Голубинского³². Первая часть его истории, посвящена домонгольскому периоду древнерусской церкви. При реконструкции церковного прошлого исследователь использовал сугубо научные методы, и главным образом методы позитивистского анализа³³. Е.Е.Голубинскому удалось демифологизировать ряд устоявшихся к его времени исторических положений о неизменности церковной иерархии, устойчивом союзе между церковью и государством, и т.д. Ещё одним ценным достижением Е.Е.Голубинского стали его многочисленные источниковедческие и историографические вставки.

Конец XIX – начало XX вв. были отмечены выходом целого ряда учебников по истории Русской Церкви. Выдающийся церковный историк А.П.Лебедев дипломатично отказался давать им какую-либо характеристику.

Свидетельством интереса к русской церковной истории, возникшего в научном сообществе в конце XIX – начале XX столетия, могут служить работы А.А.Шахматова, М.Д.Присёлкова и В.А.Пархоменко³⁴. И в наши дни эти исследования могут рассматриваться в качестве образцовых. Если исследования А.А.Шахматова и В.А.Пархоменко в целом встретили одобрение в научной среде, то труд М.Д.Присёлкова встретил неоднозначную оценку в церковной среде. Однако именно это исследование остаётся наиболее ярким исследованием в области истории церковно-государственных отношений в Киевской Руси.

Октябрьская революция 1917 г., привела к смене идейных приоритетов в научно-исторической деятельности. На некоторое время история церкви перестала привлекать внимание исследователей.

Однако уже в 30-е годы XX в., по мере восстановления исторического образования в СССР, прошлое древней Руси, в том числе и прошлое церкви вновь стало объектом изучения исследователей. Основное внимание было обращено на установление связи между религиозной жизнью и социально-политическими процессами, протекавшими на Руси. Примером этого могут служить работы М.Н.Никольского и С.В.Юшкова³⁵.

³¹ Памятники древне-русской церковно-учительной литературы. СПб., 1897. Вып. 1, 2, 3.

³² Голубинский Е.Е. История Русской Церкви: Т. 1. Ч. 1. М., 1901.

³³ Солнцев Н.И. «История русской церкви» Е.Е.Голубинского: теоретические основы и историографическое значение. Нижний Новгород, 2010.

³⁴ Шахматов А.А. История русского летописания. Повесть временных лет и древнейшие русские летописные своды. СПб., 2002. Т. 1. Кн. 1; 2003. Т.1. Кн. 2; Присёлков М.Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X-XII вв. СПб., 2003; Пархоменко В.А. У истоков русской государственности (VIII-XI вв.). Л., 1924.

³⁵ Никольский М.Н. История русской церкви. М., 1930; Юшков С.В. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М., Л., 1939.

Начиная с 40-х годов XX в. в большинстве работ, посвящённых истории Киевской Руси, непременно учитывалось, в том числе, и церковное влияние на развитие древнерусской государственности. Если в трудах Б.Д.Грекова, В.В.Мавродина, М.Н.Тихомирова, Б.А.Рыбакова и М.Н.Никольского русское христианство представало в контексте социально-политических отношений³⁶, то в исследованиях Б.Я.Рамма, идеи которого получили дальнейшее развитие в исследованиях Г.Г.Литаврина, деятельность русской церкви была представлена в контексте международных отношений раннего средневековья³⁷. Важным шагом в исследовании канонического права древней Руси стали исследования С.В.Юшкова³⁸. Ещё одним ярким явлением в области истории и филологии стали труды Д.С.Лихачёва³⁹.

В отличие от ранних работ советского времени у исследователей 50 - 80-х годов христианству в целом давалась «положительная» оценка. При всех издержках идеологических стереотипов, прослеживавшихся в работах советских историков, акцентирование внимания на социально-политической истории позволило понять причины медленного укоренения в древнерусском обществе нравственных идеалов христианства, продолжительную отчуждённость духовенства от большей части населения страны и особенности структуры церковного управления на Руси.

Празднование 1500-летия Киева и 1000-летия крещения Руси способствовали активизации исследований в области исследования церковно-государственных отношений и истории церкви в Киевской Руси. Вторая половина 80-х годов XX в. отмечена выходом значительного числа работ, посвящённых истории христианства в Киевской Руси. Этот значительный корпус исследований был представлен как монографиями, так и специальными сборниками. Наибольшую известность получили исследования Г.М.Филиста, О.М.Рапова, Я.Н.Щапова, А.Г.Кузьмина, М.Ю.Брайчевского и др.⁴⁰.

³⁶ Мавродин В.В. Образование Древнерусского государства. Л., 1945; Греков Б.Д. Киевская Русь. М., 1953; Тихомиров М.Н. Древняя Русь. М., 1975; Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII-XIII вв. М., 1982; Щапов Я.Н. Государство и церковь Древней Руси XI-XIII вв. М., 1989.

³⁷ Рамм Б.Я. Папство и Русь в X-XV веках. М., Л., 1959; Литаврин Г.Г. Византия, Болгария, Древняя Русь (XI - начало XII в.). СПб., 2000 и др.

³⁸ Серафим Владимирович Юшков: Избранные труды. М., 1989; Юшков С.В. Русская Правда. М., 2002.

³⁹ Лихачёв Д.С. Человек в литературе Древней Руси. М., 1970; Он же. Великое наследие. М., 1975; Он же. Текстология. Л., 1983 и др.

⁴⁰ Филист Г.М. Введение христианства на Руси: предпосылки, обстоятельства, последствия. Минск, 1988; Рапов О.М. Русская церковь в IX - первой трети XII в. Принятие христианства. М., 1988; Дулуман Е.К. Глушак А.С. Введение христианства на Руси: легенды, события, факты. Симферополь, 1988; Кузьмин А.Г. Падение Перуна: (Становление христианства на Руси). М., 1988; Щапов Я.Н. Государство и церковь Древней Руси X-XIII вв. М., 1989; Брайчевский М.Ю. Утверждение христианства на Руси. Киев, 1989 и др.

Современный этап изучения истории древнерусской церковной организации характеризуется активным использованием методов герменевтического анализа. Это позволило открыть новые перспективы в изучении не только иерархических и социально-политических отношений, но и реконструкции истории повседневности, истории святости и истории культуры. Наиболее яркими работами рассматриваемого периода стали исследования И.Н.Данилевского, В.В.Милькова, В.В.Долгова, А.В.Назаренко и других авторов⁴¹.

Что касается исследований, созданных в среде эмигрантов, то они во многом повторяют дореволюционные концепции, господствовавшие в церковной образовательной программе. Примерами этого могут служить сборник «Русское зарубежье в год тысячелетия крещения Руси»⁴², труды Д.И.Иловайского, Г.В.Вернадского, Н.Н.Воейкова, учебник Н.Тальберга и поздние статьи А.В.Карташева⁴³.

В отличие от работ русских эмигрантов и их потомков исследования иностранных учёных-русистов А.Поппэ, Р.Пиккио, С.Франклина, Д.Шепарда, Г.Подскальски, М.Фонт и др.⁴⁴, оказались более информативными и объективными по отношению к историческому прошлому Руси и её церковной организации.

⁴¹ Данилевский И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX-XII вв.). М., 2001; *Он же*. Повесть временных лет: герменевтические основы изучения летописных текстов. М., 2004; Мильков В.В. Осмысление истории в древней Руси. СПб., 2000; *Он же*. Духовная дружина русской автокефалии: Лука Жидята // Россия XXI в. 2009. № 2. С. 116-157; *Он же*. Духовная дружина русской автокефалии: Иларион Киевский // Россия XXI в. 2009. № 4. С. 112-157; № 5. С. 98-121; Долгов В.В. Быт и нравы Древней Руси: миры повседневности XI-XIII вв. М., 2007; Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях: междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX-XII веков. М., 2001; *Он же*. Древняя Русь и славяне. М., 2009 и др.

⁴² Русское зарубежье в год тысячелетия крещения Руси. М., 1991.

⁴³ Иловайский Д.И. Становление Руси. М., 2003; Вернадский Г.В. Киевская Русь. М.; Тверь, 2001; Воейков Н.Н. Церковь, Русь и Рим. Минск, 2000; Тальберг Н. История Русской Церкви. М., 1997; Карташев А.В. Св. Великий Князь Владимир отец русской культуры. Мюнхен, 1948; *Он же*. Православие и его отношение к историческому процессу // Православная мысль. Париж. 1948. Вып. 6. С. 89-102.

⁴⁴ Поппэ А.В. Русско-Византийские церковно-политические отношения в середине XI в. // История СССР. 1970. №3; *Он же*. О причинах похода Владимира Святославича на Крсунь 988-989 гг. // Вестник Московского университета. Серия 8: «История». 1978. 4; *Он же*. Земная гибель и небесное торжество Бориса и Глеба // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2003. Т. 54; *Он же*. Владимир Святой: У истоков церковного прославления // Факты и знаки: исследования по семиотике истории. Вып. 1. М., 2008. С. 40-107; Франклин С., Шепард Д. Начало Руси. 750-1200. СПб., 2000; Подскальски Г. Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988-1237 г.): Т. 1. СПб., 1996; Фонт М. Наследование княжеской / королевской власти в Восточной и центрально-Восточной Европе X – XII вв. // Rossica antique: исследования и материалы. СПб., 2006. С. 196-203 и др.

Таким образом, имеющийся на сегодня комплекс историографических источников позволяет провести реконструкцию деятельности института митрополитов в Киевской Руси.

Во второй главе исследования, «Первые известия о русской церкви», отражены основные этапы зарождения и развития начальных форм церковной жизни на Руси во второй половине IX – середине XI веков, т.е. до официального возникновения киевской митрополии при Ярославе Мудром.

В параграфе 2.1. «Состояние христианской жизни на Руси накануне Крещения» представлен анализ начальных форм организованной христианской жизни до 988 г.

На протяжении рассматриваемого в параграфе периода земли восточных славян привлекали к себе внимание восточно-христианских и западноевропейских миссий, призванных создать на этих территориях церковные центры.

Традиционно считается, что появление христиан на Руси связано с событиями легендарного похода Аскольда на Константинополь⁴⁵. Вместе с этим сообщения об обстоятельствах этого крещения, как и об устройстве первой русской церковной иерархии, очень противоречивы и смутны, поскольку не могут дать однозначные ответы на ряд «простых» вопросов: какова была этническая принадлежность «руссов»? какой пункт выступал отправной точкой похода? к какой канонической юрисдикции принадлежала епископия, и где был её центр? как звали первоиерарха⁴⁶. Хорошо известно, что христиане на Руси могли присутствовать ещё до знаменитого Фотиева крещения. Сочувствие этой версии встречается у Я.Н.Щапова, опиравшегося в своих выводах на сообщения Хордадбека (ок. 840 г.) о славянах и русских купцах христианах⁴⁷.

Наиболее достоверным известием о деятельности среди восточных славян латинской христианской миссии может служить сообщения о посольстве Адальберта⁴⁸. Деятельность этого латинского епископа в период правления княгини Ольги оказалась неудачной и не оставила после себя каких-либо

⁴⁵ Окружное послание Фотия, патриарха константинопольского, в восточным архиерейским престолом, а именно – к александрийскому и прочая // Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия: Т. 2: Византийские источники / сост. М. В. Бибииков. М., 2010. С. 132; Барсов Т. Константинопольский патриарх и его власть над Русскою церковью. СПб., 1878. С. 299; Филарет, митр. Установление христианства на Руси // Богословские труды. М., 1987. Т. 28. С. 39.

⁴⁶ Полонская Н. К вопросу о христианстве на Руси до Владимира // Журнал Министерства Народного Просвещения, 1917. сентябрь. С. 44-58.

⁴⁷ Ибн-Хордадбек Книга путей и государств // Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия: Т. 3: Восточные источники / сост. М. В. Бибииков. М., 2009. С. 31; Щапов Я.Н. Церковь в Древней Руси (До конца XIII в.) // Русское православие: вехи истории. М., 1989. С. 13.

⁴⁸ Древняя Русь в свете зарубежных источников / М. В. Бибииков, Г. В. Глазырина, Т. Н. Джаксон и др.; под ред. Е. А. Мельниковой. М., 2003. С. 303-304.

заметных следов канонической жизни на самой Руси⁴⁹. Несколько иначе обстоит дело с латинской миссией времён Ярополка, о которой извещают латиноязычные источники⁵⁰, в то время как русские памятники о ней не сообщают⁵¹. А.В.Назаренко склонен считать, что велика вероятность принятия Ярополком крещения с именем Пётр⁵². Ещё одна версия о латинском следе в христианизации Руси связана с сообщением скандинавской саги монаха Одда об Олафе Тригвасоне⁵³. Олаф стал примером доброго христианина для Владимира, у которого варяг находился на службе⁵⁴. Тем не менее, мнения о латинском влиянии на зарождающееся христианство на Руси, не нашли большой поддержки в российской научной среде⁵⁵.

Русская иерархия формировалась в русле восточно-христианской традиции. Христианские общины Крыма и Северного Кавказа не могли не оказывать своего, хотя бы и косвенного, влияния на устроения входивших в контакт с ними восточных славян. Но в большей степени в Крыму, скорее всего, происходило обратное – усиление славянского влияния на местное население. Этот процесс отмечен в Готской епархии в X – XI вв.⁵⁶ и подтверждается появление Боспорской фемы, ставшей ответом на возникновение в конце X – начале XI вв. Тмутаракани. Уже в 50-60-х годах XI в. земли Бос-

⁴⁹ Рамм Б.Я. Папство и Русь в X-XV веках. М.; Л., 1959. С. 36.

⁵⁰ Древняя Русь в свете зарубежных источников / М. Б. Бибииков, Г. В. Глазырина, Т. Н. Джаксон и др.; под ред. Е. А. Мельниковой. М., 2003. С. 303-313.

⁵¹ Если не считать известия Никоновской летописи о приходе 979 г. на Русь послов «из Рима от папы» и ПВЛ под 1044 г. о «крещении» костей Ярополка и их погребении рядом с захоронением Владимира Святославича (См.: ПСРЛ. Т. 9. С. 39; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 155; Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях: междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX-XII веков. С. 375).

⁵² Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях: междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX-XII веков. М., 2001. С. 374-375, 379-382.

⁵³ Этот сюжет был очень интересно осмыслен А.Л.Погодиным. Если сравнить результаты личного принятия христианства, то Владимиру удалось насадить церковную организацию на Руси в то время, как поступок Олафа не был поддержан своими соплеменниками (Погодин А.Л. Варяжский период в жизни князя Владимира // Святой Креститель. Зарубежная Россия и Св. Владимир: Из наследия русской эмиграции. М., 2000. С. 122).

⁵⁴ Джаксон Т.Н. Четыре норвежских конунга на Руси: Из истории русско-норвежских политических отношений последней трети X – первой половины XI в. С. 47; ПЭ. Т. 19. С. 336.

⁵⁵ Рыдзевская Е.А. Легенда о князе Владимире в саге об Олафе Трюгвасоне // ТОДРЛ. Т. 2. С. 14; Левченко М.В. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956. С. 373; Милютенко Н.И. Святой равноапостольный князь Владимир и крещение Руси. Древнейшие письменные источники. СПб., 2008. С. 388-396.

⁵⁶ Тур В.Г. Православные монастыри Крыма. Киев, 2006. С. 49; Магарищев Ю.М. Крым в «византийский» период (VI – нач. XIII вв.) // Сборник Русского исторического общества. Т. 10 (158). Россия и Крым. М., 2006. С. 46-50; Он же. Изменения в структуре церковной иерархии Таврики VIII-XIV вв., как социально-политической ситуации // Сборник Русского исторического общества. Т. 10 (158). Россия и Крым. М., 2006. С. 54-64.

пора оказались под контролем русских князей, власть которых над этими территориями продолжалась примерно до 1094 г.⁵⁷

Была ли в действительности епископская миссия на Руси в период правления патриархов Фотия или Игнатия⁵⁸, на что намекает сообщение в «Продолжателе Феофана»⁵⁹, трудно ответить. А.В.Карташев высказывал предположение, что первым епископом Киева стал легендарный «митрополит» Михаил⁶⁰, личность и высокий сан которого были зафиксированы в Новгородском летописании, а оттуда перешли в Степенную книгу и Никоновскую летопись⁶¹. Вопрос о легендарных византийских миссиях на Руси получил разработку в исследованиях И.В.Ягича, И.Ламанского, И.Ф.Оксиюка, Никона (Лысенко) и др.⁶²

Наиболее динамичные изменения в социально-политическом статусе христиан начали происходить в период правления князя Игоря и его супруги Ольги. Крещение, обстоятельства пребывания в Константинополе, добродетельная, с христианской точки зрения, жизнь, попытка создания епископии позволяют говорить о возрастании политической активности христиан в Киеве⁶³.

При Игоре в Киеве уже существует храм прор. Ильи. Степенная книга и поздняя агиография⁶⁴, указывают на якобы имевшее место при Ольге строительство на Руси христианских церквей: в Киеве Софийского, а в Пскове Троицкого храмов⁶⁵. В.Н.Татищев полагал, что известия о широком строительстве храмов в период правления Ольги надуманны и не имеют под собой сколько-нибудь серьезной исторической основы. Однако крещение Ольги и

⁵⁷ Магарицев Ю.М. Крым в «византийский» период (VI – нач. XIII вв.). С. 49.

⁵⁸ Макарий (Булгаков), митр. История Русской Церкви. Кн. 1. М., 1994. С. 205.

⁵⁹ Продолжатель Феофана Жизнеописания византийских царей. СПб., 2009. С. 129-130.

⁶⁰ Карташев А.В. Собрание сочинений: В 2 т.: Т. 1.: Очерки по истории русской церкви. М., 1992. С. 137-138.

⁶¹ ПСРЛ. Т. 3. С. 473; ПСРЛ. Т. 9. С. 57, 63-64; ПСРЛ. Т. 21. С. 113; Присёлков М.Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X-XII вв. С. 29-31).

⁶² Ягич И.В. Вновь найденное свидетельство о деятельности Константина Философа, первоучителя славян св. Кирилла. СПб., 1893. С. 32-33; Ламанский В.И. Славянское житие св. Кирилла как религиозно-эпическое произведение и как исторический источник: Критические заметки. Пг., 1915. С. 74-76; Оксиюк И.Ф. Первые столетия христианства на Руси и латинский Запад // Богословские труды. М., 1987. Т. 28. С. 194; Никон (Лысенко), иерод. «Фотиево» крещение славяно-россов и его значение в предыстории крещения Руси // БТ. М., 1989. Т. 29. С. 30.

⁶³ Завитневич В.З. Владимир святой, как политический деятель: исследование. Киев, 1883. С. 13.

⁶⁴ ПСРЛ. Т. 21. Ч. 1. С. 19-22; Максимович М.А. Собрание сочинений: Т. 2.: Отделы: историко-топографический, археологический и этнографический. Киев, 1877. С. 137-138; Александров А.А. Во времена княгини Ольги. Легенды и былины о княгине Ольге в Псковской земле. Псков, 2001. С. 52, 72-73, 89-90.

⁶⁵ Татищев В.Н. История Российская: В 3 т. Т. 2. М., 2003. С. 608; Доброклонский А.П. Руководство по истории Русской Церкви. М., 2001. С. 16.

прохристианские симпатии Ярополка Святославича способствовали возникновению на Руси христианских общин, вероятно, из числа дружины и представителей купечества, а вместе с этим элементарных форм церковной жизни.

Распространению среди верхушки древнерусского государства знаний о христианстве способствовала активная миссионерская деятельность византийских и латинских миссий, торговля с Византией, Болгарией, странами дунайского региона и Западной Европы, военно-политические связи и династические браки княжеской семьи. В итоге, к концу X в. на Руси уже существовали зачатки организованной христианской жизни, христиане обладали равными правами с язычниками.

В параграфе 2.2. «Первоначальные формы церковной организации в конце X - начале XI вв.» предпринята реконструкция форм высшего церковного управления в первые полвека после официального принятия даты крещения Руси.

Вопрос о возможности существования на Руси до 988 г. иерархии и епископских кафедр относится к числу дискуссионных. Вероятно, ни одна из действовавших на Руси миссий, как восточно-христианских, так и западноевропейских, к моменту принятия решения о крещении не оставила в Киеве и иных городах древнерусского государства сложившейся иерархии. Повесть временных лет позволяет утверждать, что основу будущей иерархической структуры Руси составило вывезенное из Херсонеса духовенство во главе с пресвитером Анастасом, пользовавшимся у князя Владимира особым расположением. Ясных указаний о канонической юрисдикции возникшей на Руси священнической иерархии источники не сохранили. Поэтому есть основание согласиться с мнением А.Е.Мусина и А.В.Гадло об одновременном существовании на Руси различных иерархий, Корсунской и Константинопольской⁶⁶. При этом очевидными преимуществами пользовались клирики, вывезенные из Северного Причерноморья. Константинопольское священство, вероятно, составляло свиту царевны Анны, супруги крестителя Руси, и главным образом выполняло дипломатические функции.

Основная заслуга в распространении церковной жизни на Руси принадлежала не столько духовенству, сколько Владимиру⁶⁷. Функции кафедрального собора исполнялись клиром Десятинного храма (996 г.)⁶⁸, а первосвятительская кафедра располагалась в Переяславле. Данная ситуация напоминала административно-каноническое устройство церкви в Болгарии. Появление первых храмов и монастырей в Киеве и на Руси в целом объясняется не толь-

⁶⁶ Мусин А.Е. О некоторых особенностях древнерусского богослужения XI-XIII вв. Церковь Преображения на Нередице холме в литургическом контексте эпохи // Новгородский исторический сборник: 8 (18). СПб., 2000. С. 216.

⁶⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 116-119.

⁶⁸ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 124; Поннэ А.В. Русские митрополии константинопольской патриархии в XI столетии // ВВ. М., 1969. Вып. 29. С. 91.

ко деятельностью Владимира, но и активной поддержкой этого решения знатью. Вначале XI в., Титмар Мерзебургский извещал о существовании в Киеве 400 храмов⁶⁹.

К началу XI в. епископии открылись не во всех политических центрах, а только в Киеве, Новгороде, Переяславле, Белгороде, Владимире-Волынском. Возможно, к этому времени могли возникнуть кафедры в Чернигове и Ростове. Христианство укрепилось вдоль узкой полосы великого водного пути между Великим Новгородом и Поднепровьем⁷⁰. Уже фактом своего существования епископские центры отражали иерархию внутри правящего рода, экономическую и административно-политическую важность города и региона.

Рост числа епископских центров отражал не только успехи распространения церковного влияния, но и свидетельствовал об укреплении княжеской власти. Церковные центры возникали не только как оплоты епископской власти и центры миссионерства, но и в качестве оплотов княжеского влияния. Изначально особый статус приобрела новгородская кафедра, обладавшая широкой автономией, примером чему служит присутствие в местной богослужебной практике западных культурных импульсов.

На Руси продолжительное время присутствовали различные восточно-христианские традиции. В своей литургической практике епископские центры и монастыри, по-видимому, пользовались самостоятельностью от Киева. Это обстоятельство подтверждается исследованиями О.В.Лосева⁷¹. Даже в Киеве в XI в. одновременно существовали различные богослужебные традиции: Иерусалимская и Цареградская.

Установление христианства сопровождалось организацией первой школы⁷², опыт которой будет повторён уже при Ярославе Мудром в Киеве⁷³, Курске⁷⁴ и, возможно, других центрах, например, Новгороде⁷⁵. Заслуга в этом принадлежит княжеской власти. При всей утилитарности получавшегося в этих «училищах» образования, оно, несомненно, способствовало проникновению хотя бы элементарных христианских знаний в городскую среду.

Есть все основания полагать, что между митрополитом и епископами с одной стороны, и князем с дружиной, с другой стороны, отсутствовали доверительные отношения. Это объяснялось греческим происхождением боль-

⁶⁹ Древняя Русь в свете зарубежных источников. С. 328-329; Макарий (Булгаков), митр. История Русской Церкви. Т. 2. С. 39; Рапов О.М. Русская церковь в IX – первой трети XII в. С. 252).

⁷⁰ Левченко М.В. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956. С. 372.

⁷¹ Лосев О.В. Праздники святогробского типикона в русских календарях XI-XII веков // Православный палестинский сборник: Вып. 100. М., 2003. С. 133.

⁷² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 183.

⁷³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 139-141.

⁷⁴ Житие Феодосия Печерского. С. 308, 309.

⁷⁵ Ефимов А.Б. Очерки по истории миссионерства Русской Православной Церкви. М., 2007. С. 52.

шинства епископов, выполнением митрополией дипломатических функций и непониманием византийцами политических и социальных реалий Руси. Сложившееся положение дел наглядно иллюстрирует неудачное вмешательство епископов в дела князя и его двора (996 г.)⁷⁶.

Главным итогом этого периода стало приобретение христианством прав и положения государственной религии.

В параграфе 2.3. «Создание киевской митрополии при Ярославе Мудром» отражены и проанализированы процессы церковно-государственной политики Ярослава Мудрого, сопровождавшие оформление киевской митрополии.

Изменение канонического статуса русской церковной организации можно рассматривать в качестве важнейшего внутри- и внешнеполитического мероприятия в период единодержавия Ярослава. Перенос первосвятительской кафедры из Переяславля в Киев и возведение её в ранг митрополии означал перемену в отношениях между Киевом и Константинополем.

Под 1037 г. Повесть временных лет сообщила об основании в Киеве митрополии и строительных преобразованиях в городе. Новый комплекс города Ярославова уподоблял столицу древнерусского государства Константинополю и Иерусалиму⁷⁷. Софийский собор, в котором прослеживаются новгородское архитектурное влияние⁷⁸ и влияние эсхатологических идей, заимствованных из Болгарии, стал центром этого комплекса.

М.Д.Присёлков вполне убедительно обосновал тезис о том, что появление в Киеве митрополии и митрополита Феопемпта⁷⁹ объяснялось ослаблением болгарского канонического влияния и изменениями во внешнеполитическом церковном курсе Киева. Появление на Руси митрополита, по мнению большинства исследователей, вписывалось в церковно-дипломатическую практику Византии и указывало на сближение церковных интересов Ярослава и Константинополя⁸⁰.

В 1051 г. по воле Ярослава Мудрого на митрополию был возведён бывший священник княжеского храма в Берестове Иларион. Каноничность этого шага остаётся спорной. Традиционно этот связывается с изменением в

⁷⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 111-112.

⁷⁷ Свердлов М.Б. Киевский собор св. Софии как источник исторической информации // ТОДЛ. Т. 55. С. 123; Данилевский И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX-XII вв.). М., 2001. С. 368.

⁷⁸ Каргер М.К. Древний Киев // По следам древних культур: Древняя Русь / науч. ред и сост. Фёдоров Г. Б. М., 1953. С. 49, 51.

⁷⁹ ПСРЛ. Т. 3. С. 163.

⁸⁰ Присёлков М.Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X-XII вв. СПб., 2003. С. 51-55; Паиуто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 75, 317; Литаврин Г.Г. Введение христианства в Болгарии (IX – начало X в.) // Принятие христианства народами Центральной и Юго-Восточной Европы и крещение Руси. М., 1988. С. 58-59; Иванов С.А. Византийское миссионерство: Можно ли сделать из «варвара» христианина?. М., 2003. С. 161-169).

русско-византийских отношениях⁸¹, осложнившихся после военного конфликта 1043 г.⁸² Однако уже в 1046 г. Русь примирилась с Византией. Возведение Илариона на митрополию не означало возникновения схизмы⁸³ и не предполагало полного церковно-политического разрыва с Константинополем⁸⁴.

Деятельность Илариона ознаменована активным вовлечением церкви в решение политических и административно-правовых вопросов, возникновением идеи церковной автономии и установлением непродолжительного идейного союза между княжеской властью и церковью. Эти перемены нашли своё выражение в градостроительной символике Киева, политико-правовых идеях «Слова о Законе и Благодати», формулировании канонических и законодательных норм «Русской Правды» и первого судебного церковного устава.

Несмотря на то, что со смертью Ярослава Мудрого личность Илариона исчезает со страниц летописи и дальнейшая судьба первого русского ставленника на первосвятительской кафедре Руси не известна, Русь приобрела первый опыт церковной самостоятельности и полноценного союза церковной иерархии и княжеской власти.

Третья глава «Русская митрополия в период правления Ярославичей». В данной части исследования отражены основные этапы развития института русских митрополитов в период правления сыновей Ярослава Мудрого и выявлены причины изменения числа митрополий. Установлена связь между деятельностью представителей высшей церковной иерархии и политическими интересами Ярославичей. Особое внимание уделено церковной политике Всеволода Ярославича и прослежена взаимосвязь между внутридинастическими процессами Рюриковичей и изменениями статуса митрополитов среди древнерусской знати и своего клира.

В **параграфе 3.1. «Высшее церковное управление в годы “единства” Ярославичей»** предпринята попытка реконструкции митрополичьего управления и церковно-государственных отношений в период т.н. «единства» триумвирата Ярославичей, т.е. до 1073 г., года изгнания Изяслава Ярославича из Киева совместными действиями младших братьев, Святослава и Всеволода Ярославичей.

⁸¹ Литаврин Г.Г. Псёл о причинах последнего похода русских на Константинополь в 1043 г. // Византийский временник. М., 1967. Вып. 27. С. 71-86; Он же. Ещё раз о походе русских на Византию в июле 1043 гг. // ВВ. М., 1969. Вып. 29. С. 105-107; Паушто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. С. 79-80).

⁸² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 142.

⁸³ Поппэ А.В. Русские митрополии константинопольской патриархии в XI столетии // ВВ. М., 1968. Вып. 28. С. 96.

⁸⁴ Литаврин Г.Г. Византия, Болгария, Древняя Русь (XI - начало XII в.). СПб., 2000. С. 324.

В условиях сложной внутридинастической ситуации константинопольская патриархия сумела преодолеть автокефальные тенденции в русской церковной организации и восстановила свой контроль над киевской митрополией: Уже в первые пять лет правления Изяслава произошло отстранение от управления церковью первого русского митрополита Илариона и пресечено недовольство новгородского еп. Луки Жидяты действиями присланного из Константинополя митрополита Ефрема. Свидетельством сложности и неоднозначности возникшей вокруг киевской кафедры ситуации служит отсутствие в южном летописании известий об этом митрополите и совершенном им суде над новгородским епископом. Анализ источников позволяет сделать вывод, что такие свободные действия киевской иерархии могли стать результатом невнимательного отношения Изяслава к состоянию высшего церковного управления на Руси и недооценкой этим великим князем религиозно-политических возможностей иерархов. Об этом можно судить и потому, что после 1059 г. до 1068 г. личности русских иерархов более не привлекали внимание летописцев. Во второй половине 60-х – начале 70-х годов церковь вновь была вовлечена в череду народных волнений, имевших различную социальную основу. Практически во всех случаях действия восставших представляли угрозу для иерархов и обителей Киева, Новгорода, Ростова.

Обстоятельства восстаний в Киеве, Белоозере и Новгороде выявили ряд существенных недостатков в административном устройстве церкви: во-первых, отсутствие ясных границ между епископскими округами, что в целом соответствовало ситуации в межкняжеских отношениях⁸⁵; во-вторых, наличие на Руси нескольких церковных юрисдикций, в том числе и светских; в-третьих, отсутствие ощутимых успехов в миссионерской деятельности русской церковной организации; в-четвёртых, невысокий авторитет епископата в местной среде.

Празднования 1072 г, связанные с перенесением Ярославичами мощей Бориса и Глеба, вновь привлекли внимание летописцев к митрополиту и епископату. Консолидация Ярославичей способствовала укреплению авторитета церкви, а вместе с ней и авторитета киевских первосвященников. Состояние высшего церковного управления в этот период соответствовало внутривластной ситуации в Киевской Руси и отвечало особой форме совместного правления старших сыновей Ярослава.

Параграф 3.2. «Место митрополита и высшей церковной иерархии в политической жизни Руси при Святославе Ярославиче» посвящён анализу административно-канонической ситуации в киевской митрополии в период великого княжения Святослава.

В период смены власти в Киеве митрополит Георгий предпочёл удалиться из Киева в Константинополь. Не известно, когда именно русский пер-

⁸⁵ Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. СПб., 2006. С. 30-34, 75-81.

воиерарх выехал из столицы, однако ясно то, что это было связано, в том числе, и с церковно-политическими шагами Святослава. К этому времени на Руси возникла Черниговская митрополия во главе со святителем Неофитом. Сложившаяся ситуация таила опасность канонического разделения древнерусских земель между двумя митрополичьими центрами. Такое дробление церковных территорий не отвечало интересам находившейся на Руси греческой иерархии. Ещё одной причиной противоречий между Георгием и Святославом могла стать прозападная внешняя и династическая политика киевского князя. Киевские иерархи, выполнявшие обязанности легатов, не могли одобрительно относиться к сближению Киева и Германии.

В годы правления Святослава наблюдается возрастание претензий столичной митрополичьей кафедры к Печерскому монастырю. В результате обитель приобрела защиту и покровительство великого князя. Это надолго сняло остроту противоречий между митрополитами и монастырём преподобного Феодосия.

Осложнение отношений между Святославом и митрополитом по вопросам внешней политики не означало безусловного конфликта. Произошло обратное, укрепление канонических прав митрополита над церковью. В итоге, под 1072 г. ПВЛ официально известила об отсутствии в Киеве митрополита Георгия, отбывшего в Константинополь⁸⁶. Следовательно, власть этого первоиерарха пользовалась признанием со стороны духовенства и определённой поддержкой со стороны князя.

Такая церковная политика Святослава заложила основу для поступательного развития митрополичьего управления на Руси. Теперь митрополиты для утверждения своих прав в церкви могли искать поддержку уже не в Константинополе, а в верхах восточнославянского общества.

В параграфе 3.3. «Церковно-княжеские отношения в период правления Всеволода Ярославича» проанализированы известия древнерусских источников о взаимоотношениях высшей церковной иерархии с Всеволодом Ярославичем.

Уже задолго до вступления на киевский великокняжеский стол Всеволоду удалось установить патримониальные отношения над русской церковной иерархией. Младший Ярославич нашёл опору своим политическим шагам не столько в монашестве, сколько в епископате. Время правления Всеволода характеризуется установлением союзнических и даже дружественных отношений между княжеской властью и митрополитами Киева и Переяславля.

Митрополиты и епископат стали регулярными участниками княжеских процессий, похорон и освящений родовых княжеских храмов. Эти изменения отражали, в том числе, тягу Всеволода к церемониям и этикетным формаль-

---

⁸⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 183.

ностям, возникшим под влиянием Византии⁸⁷. Наблюдается дальнейшее сближение монашества и митрополита. Это прослеживается в совместных богослужениях. Наконец, произошло изменение титулов, под какими упоминались великий князь и митрополит: «благодарный князь» и «блаженный митрополит». Это не только эпитеты, порождённые смиренным благоговением летописца перед светскими и церковными властями. Митрополичья кафедра и княжеская власть переживали этап активного сближения. Расширение титулов русских предстоятелей выявляется и в характере надписей митрополичьих булл⁸⁸.

Всеволоду удалось повлиять на выбор в Византии одного из митрополитов, митр. Иоанна-Скопца. В целом же время рассматриваемого великого княжения характеризуется появлением на митрополичьей кафедре ярких личностей: Иоанна I и Иоанна II.

Свидетельством ровного течения церковно-княжеских отношений стали похороны Всеволода, на которых впервые отмечено присутствие епископата. Возникшие перемены были следствием политической стабильности на Руси и установления доминирующего положения потомства Всеволода.

В четвёртой главе «Киевская митрополия в конце XI – второй половине XII вв.» проанализирована деятельность киевских митрополитов на завершающем этапе существования Киевской Руси, выявлена роль русских первосвященников во время межкняжеских конфликтах этого периода, установлены закономерности во взаимоотношениях митрополитов с подчинённой им священной иерархией.

В параграфе 4.1. «Высшее церковное управление в период княжеских междоусобиц конца XI – начала XII вв.» отражена жизнь русской иерархии в период правления Святополка Изяславича и выявлены причины укрепления авторитета митрополитов в древнерусском обществе и церковной среде.

К началу правления Святополка отношение государства и высшей церковной иерархии переживали период стабильности, обеспеченный внутренним единством потомства Всеволода. Но церковно-княжеские отношения во время продолжительного великого княжения Святополка не были однозначными. Первые годы правления старшего сына Изяслава ознаменовались осложнением взаимоотношений киевского княжеского стола с Печерской обителью⁸⁹, а между великим князем и митрополитом присутствует некоторое равнодушие. Примером этого может служить княжеский суд над Васильком

⁸⁷ Шпилевский С. Об истоках русского права в связи с развитием государства до Петра I. Казань. 1862. С. 17.

⁸⁸ Литаврин Г.Г., Янин В.Л. Некоторые проблемы русско-византийских отношений в IX-XV вв. // История СССР. 1970. № 4. С. 45-46.

⁸⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 266-269; Киево-Печерский патерик // Библиотека литературы Древней Руси: Т. 4: XII в. / под ред. Д. С. Лихачёва, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. СПб., 2004. С. 431, 435, 453; Тихомиров М.Н. Древняя Русь. С. 135.

Теребовльским. Если игумены постарались вступить за опального князя, то митрополит остался к этому делу совершенно безучастным⁹⁰.

Попытки привлечь митрополита к решению княжеских споров предпринял Владимир Мономах, попытавшийся в 1096 г. осудить Черниговского князя Олега за союз последнего с половцами и совершаемые ими грабежи⁹¹. Среди судей почётное место должны были занять митрополит, епископат и игумены⁹². Но суд не состоялся.

Вторая попытка привлечь киевского первосвященника к решению межкняжеского конфликта, вызванного ослеплением Василька Теребовльского⁹³, была предпринята киевлянами в 1097 г. после того как войска Владимира Мономаха подошли к столице. Жители города отправили своего первоиерарха в составе посольства, призванного примирить киевлян и Святополка с Владимиром Мономахом. В результате возник прецедент посредничества. В 1101 г., киевский митрополит вновь участвовал в примирении князей, но на этот раз уже Святополка и Ярослава Ярополчича⁹⁴. Эти шаги русского первосвященника привели к сближению института митрополитов с городской верхушкой и монастырями.

Вторая половина правления Святополка ознаменована прибытием на Русь нового русского предстоятеля, Никифора⁹⁵, и сближением великого князя с Печерской обителью. Новый глава русской церкви был греком, рукоположенным в сан митрополита в Константинополе⁹⁶. Деятельность нового митрополита ознаменовалась активизацией интеллектуальной жизни и регулярными известиями о назначении целого ряда епископов на Владимирскую, Переяславскую, Полоцкую, Черниговскую кафедры⁹⁷.

При Святополке создаются условия для расширения церковного влияния на обширных пространствах Руси, а также для упорядочивания и стабилизации внутрицерковных отношений. Договорённости Любечского съезда закрепляли за конкретными княжескими родами «отчины». Принятые князьями решения способствовали установлению более ясных границ между уделами и позволили более чётко обозначить пределы церковных округов, совпадавших с границами княжеских территорий. В итоге возникли предпосылки для преобразования епископий в епархиальные административно-территориальные округа.

⁹⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 259-260; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 234.

⁹¹ Толочко П.П. Кочевые народы степей и Киевская Русь. СПб., 2003. С. 92.

⁹² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 230.

⁹³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 259-262; Т. 2. Стб. 232-236.

⁹⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 275; Т. 2. Стб. 250.

⁹⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 256; ПЭ. М., 2010. Т. 23. С. 127.

⁹⁶ Орлов А.С. Владимир Мономах. Л., 1946. С. 49.

⁹⁷ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 257.

Параграф 4.2. «Социально-политическая роль высшей церковной иерархии в период правления Владимира Мономаха и Мстислава Великого»

посвящён взаимоотношениям митрополитов с княжеской властью и социальными верхами древнерусского общества после киевского восстания 1113 г. Прослежены принципиальные изменения, произошедшие во взаимоотношениях великокняжеской власти с киевской первосвятительской кафедрой в первой трети XII в.

Княжения Владимира Мономаха и его сына Мстислава Великого объединяет прямая преемственность, личная глубокая религиозность этих князей, одинаковая расположенность к укреплению связей с высшей церковной иерархией, сохранение за Владимиром и Мстиславом особых патримониальных прав над русской церковной организацией. Поэтому годы этих великих княжений ознаменованы установлением стабильных отношений между митрополитами и великими князьями.

Сообщения древнерусских источников позволяют сделать вывод, что одним из инициаторов изменения принципа престолонаследия и возведения в 1113 г. на киевский стол Владимира Мономаха был митрополит Никифор. Киевский иерарх предоставил заговорщикам митрополичий храм для проведения веча, а после согласия Владимира Мономаха занять престол сам возглавил торжественную встречу великого князя.

Возникшая ситуация способствовала укреплению политического и канонического авторитета митрополитов. Возникший между митрополичьей кафедрой и великокняжеским столом союз способствовал установлению канонической власти митрополитов над Печерской обителью. Таким образом, была полностью преодолена монашеская оппозиция столичным первосвященникам-грекам. Произошло ослабление политического и идейного влияния обители преподобного Феодосия на княжеское окружение, что выразилось в передаче летописания в Выдубицкий монастырь.

Усилилось влияние митрополита на епископат. Киевские иерархи стали равноправными и непременными участниками политической жизни городской верхушки.

Впервые митрополиты получили право отстаивать перед князем церковные, прежде всего святительские права⁹⁸, ходатайствовать за попавших в княжескую опалу⁹⁹ и научать князя основам христианской жизни¹⁰⁰. Произошедшие перемены означали окончательное сближению статуса митрополита и епископата с городской и военной знатью.

К концу жизни Никифора наблюдается охлаждение его отношений с великокняжеской властью. Летописание сообщило о смерти этого первосвящен-

⁹⁸ *Никифор, митр.* Послание Владимиру Мономаху о посте и воздержании чувств. С.116, 117, 122.

⁹⁹ Там же. С. 116.

¹⁰⁰ Митрополит Никифор / исслед. В. В. Мильков, С. В. Милькова, С. М. Полянский. СПб., 2007.

теля с некоторым «равнодушием»¹⁰¹. Как правило, это связывается с антилатинской провизантийской позицией митрополита в отношении династических браков русских князей¹⁰² и недовольством русского первосвященника религиозной жизнью двора Владимира Мономаха¹⁰³.

Активное участие митрополита в выборе и назначении кандидатов на епископские кафедры было характерно и для следующего менее яркого священительства митрополита Никиты¹⁰⁴. Новый глава русской церкви прибыл на Русь в 1122 г.¹⁰⁵

В годы правления Мстислава произошло закрепление прежних канонических прав и политических возможностей митрополитов. Через год после смерти Владимира Всеволодовича умер митрополит Никита, дата смерти которого, как в своё время и прибытие на Русь (вероятнее всего в Киев) была обозначена точно¹⁰⁶. На этот раз кафедра оставалась вдовствующей около четырёх лет.

Новый митрополит Михаил I прибыл на Русь за полтора года до смерти Мстислава Владимировича в 1130/31 г.¹⁰⁷ Мстислав предоставил Михаилу свободу канонических действия. Это способствовало укреплению власти присланного из Константинополя предстоятеля, который использовал её для защиты греческих интересов при выборе кандидатов на русские епископские кафедры. Действия нового митрополита привели к расширению греческого господства над русскими епископскими кафедрами¹⁰⁸. Своими действиями великокняжеская власть способствовала пресечению возможности возникновения нежелательного политического союза между епископатом и удельными князьями.

В **параграфе 4.3. «Власть митрополитов в 30-е – 60-е годы XII в.»** проанализированы принципиальные изменения в объёме канонической власти митрополитов и отводимой им политической роли в исследуемый период.

К середине и второй половине 30-ых годов XII в., времени распада Киевской Руси¹⁰⁹, русское высшее церковное управление в лице митрополита уже было вполне сложившейся силой, способной выступать с самостоятельной церковно-политической позицией. Наиболее наглядно эти новые качества

¹⁰¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 286; Т. 9. С. 151; Чичуров И.С. Политическая идеология средневековья (Византия и Русь). М., 1991. С. 140).

¹⁰² Творения митрополита Никифора. М., 2006. С. 67-75.

¹⁰³ Назаренко А.В. Древняя Русь и славяне. М., 2009. С. 263-283.

¹⁰⁴ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 286-287; Т. 9. С. 151.

¹⁰⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 286.

¹⁰⁶ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 290; Русские православные иерархи. Т. 2. С. 371.

¹⁰⁷ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 294.

¹⁰⁸ Присёлков М.Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X-XII вв. С. 188-189.

¹⁰⁹ Греков Б.Д. Киевская Русь. С. 609-610; Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII-XIII вв. С. 5, 469; Большая Российская энциклопедия: В 30 т.: Т.: Россия / председатель науч.-ред. совета Ю. С. Осипов; отв. ред. С. Л. Кравец. М., 2004. С. 277-278.

митрополичьего управления проявились во время событий, связанных с именами митрополитов Климента Смолятича и Константина, а несколько позже – с личностью епископа Феодора.

Несмотря на то, что учреждение в 1136 г. смоленской епископии¹¹⁰ произошло без активного участия киевского митрополита, а в 1186 г. новгородцы уже самостоятельно выбрали себе архиепископа¹¹¹, это никак не ослабило каноническое влияние митрополита на эти кафедры. Действия смоленских князей и новгородцев уже не ставили под сомнение необходимость сохранения целостности русской церкви, поскольку кафедры не претендовали на полную автономию от Киева.

К середине XII в. произошло преобразование значительной части епископий, Киевской, Ростовской, Новгородской, Смоленской и контролируемых ими округов в епархии. Киевским митрополитам удалось добиться полного канонического контроля над большинством наиболее значимых епископских центров. Расширились судебные права митрополитов. Киевские святители получили возможность самостоятельно расправиться со сторонниками Климента Смолятича, а несколько позже митрополит даже совершил жестокий суд над епископом Феодором. При этом действия киевских первоиерархов встретили сочувствие и поддержку в княжеской среде. Решения митрополитов по вопросам церковного устройства больше не подвергались пересмотру, даже если при этом первосвятители Киева превышали свои канонические полномочия. В итоге, практически все епархиальные архиереи, даже Владимирские и Новгородские владыки, были вынуждены считаться с требованиями митрополита.

Возросли административные и экономические возможности митрополичьей кафедры. Киевский архиерей стал пользоваться новыми финансовыми и материальными возможностями, открывшимися перед ним, при рукоположении и награждении епископов. Важным изменением стало то, что монашество более не выступало в открытой оппозиции по отношению к митрополитам.

В отличие от иерархов конца X – XI вв., митрополиты уже умело лавировали между различными политическими силами Руси, находя поддержку не только в великокняжеской власти и городской знати, но и собственном епископате. Наиболее чётко эта сторона деятельности русских первосвятителей прослеживается в период конфликта середины XII в., связанного с именем Климента Смолятича. Противостояние между претендентами на древнюю кафедру было уже не только внутрицерковным, но и межкняжеским. В затянувшемся конфликте константинопольский патриарх сумел опереться на русских епископов Нифонта Новгородского и Кирилла Туровского.

¹¹⁰ Древнерусские княжеские уставы XI-XV вв. / изд. подг. Я.Н.Щапов, отв. ред. Л.В.Черепнин. М., 1976. С. 140-146.

¹¹¹ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 173.

Важнейшей переменной в жизни митрополитов стало их привлечение к решению политических противостояний. Церковная власть митрополитов стала силой, способной влиять на расстановку военно-политических сил на территории Руси. Примером этого служит первая самостоятельная первосвятительская поездка в Новгород. Согласно Никоновской летописи, в 1135 г., поддержав сторону великого князя, митр. Михаил наложил на Новгород индигт (запрещение)¹¹². Лишь специально отправленное к первосвятителю посольство примирило прибывшего в Новгород митрополита и поддержанных Нифонтом новгородцев¹¹³. Скорее всего, глава русской церкви отправился в мятежный Новгород не только как архипастырь, но и в качестве великокняжеского представителя.

При исполнении своих обязанностей митрополиты продолжали выступать союзниками великокняжеской власти в Киеве. Однако в отличие от событий XI в. этот союз был почти равноправным, поскольку обеспечивал не только внутрицерковную стабильность, но и способствовал сохранению авторитета великокняжеской власти.

В Заключении обобщены результаты и сформулированы общие выводы работы. На основе изучения комплекса отечественных и зарубежных источников, а так же выявленной научной литературы впервые теоретически осмыслена и решена важная научная проблема:

- Реконструирована картина возникновения и развития института столичных митрополитов в Киевской Руси. При этом участие, роль и место первосвятителей в истории церковно-государственных и междукняжеских отношений в Киевской Руси рассматриваются в контексте изменения социально-политических и экономических реалий Руси и интересов высших церковных иерархов и княжеской власти.
- Проведён комплексный анализ деятельности киевских митрополитов. Выявлены и систематизированы факты, убедительно свидетельствующие о том, что активность киевских митрополитов возрастала по мере обрусения древнерусского духовенства, сближения интересов церковной иерархии с политическими интересами княжеского рода, дружины и городской верхушки, укрепления взаимопонимания между митрополитами и великими князьями и претендентами на великокняжеский стол.
- Прояснена роль церкви и её иерархии в лице киевских митрополитов в выстраивании и регламентации междукняжеских отношений, распространении религиозного просвещения, формировании политических идеалов. Показано, что отношения внутри правящего рода и городских верхов во многом определялись религиозными представлениями и формировались при деятельном участии церковной иерархии.

¹¹² ПСРЛ. Т. 9. С. 158.

¹¹³ ПСРЛ. Т. 3. 208; Т. 9. С. 158.

В том числе изучены процессы церковно-княжеских отношений, что позволило выявить генезис их особенностей и эволюцию на протяжении существования Киевской Руси, охарактеризован вклад ряда иерархов и великих князей в развитие восточно-славянских церковных институтов.

1. Установлено, что институт киевских митрополитов возник как результат деятельности великокняжеской власти. Жизнь и служение столичных первоиерархов были обусловлены интересами Византии, социально-политическими и экономическими реалиями восточно-христианского общества, состоянием междоусобиц в древнерусском государстве. При этом влияние империи на процесс формирования высшего церковного управления имело ограниченный характер.
2. Показано, что объём канонических и политических полномочий киевских митрополитов на различных этапах развития Киевской Руси не был постоянным. В целом он изменялся в сторону постепенного увеличения. Это происходило по мере вовлечения митрополитов в политические процессы Древней Руси и в результате сближения интересов митрополии с интересами правящего рода, прежде всего, интересами великих князей или претендентов на великокняжеский стол. Наиболее наглядно этот процесс наблюдается в периоды совместной деятельности Ярослава Мудрого и митрополита Илариона, а несколько позже – Владимира Мономаха и митрополита Никифора. Судебно-канонические, экономические и административные права киевских митрополитов регламентировались на основе великокняжеских уставов церкви и византийского церковно-государственного законодательства.
3. Выявлено, что регламентация и постепенное усиление прав митрополитов стали ответом на процесс «обрусения» местного духовенства и епископата, являвшихся союзниками удельных князей и лидеров городских общин и представлявших серьёзный противовес греческому духовенству. На протяжении всего периода существования Киевской Руси основными источниками дохода митрополичьей кафедры помимо великокняжеской десятины оставались судебные сборы. Возрастание роли митрополичьего суда неминуемо вело к увеличению влияния митрополитов в христианской и политической жизни Руси.
4. Определено, что с середины XI в. укреплению авторитета митрополитов способствовали рост церковного сознания древнерусских элит и изменения в церковной кадровой политике империи и самих великих князей, способствовавших появлению на киевской первосвятительской кафедре митрополитов, обладавших высокими личными качествами: знатностью происхождения, начитанностью, красноречием и политической смелостью. Таковыми были Иларион, Ефрем, Иоанн I, Никифор.

5. Обосновано положение, что даже в условиях увеличения влияния митрополитов на жизнь своего диоцеза в период Киевской Руси оно в целом было ограничено волей великокняжеской власти. Данное обстоятельство во многом объяснялось греческим происхождением русских первоиерархов, выполнявших в том числе и дипломатические функции. Кроме этого, возникновению у митрополитов особого статуса способствовала политическая ситуация, вызванная процессами феодализации Руси и её высших слоёв. Во второй половине XI в. помимо киевской отмечено существование ещё двух митрополий: черниговской и переяславской. В 30-60-е годы XII в., по мере обособления Новгорода и Ростово-Суздальских земель, начался процесс постепенной церковной автономизации этих территорий от Киева.

Рассмотрев становление высшего митрополичьего управления в контексте истории церковно-государственных и межкняжеских отношений Киевской Руси, отметим, что со второй половины XII в. и в последующие столетия после распада древнерусского государства произошло значительное расширение обязанностей и прав русских митрополитов. Это объяснялось осознанием в церковной среде важности сохранения политического единства Руси, гарантом и символом которой прежде выступала великокняжеская власть. Именно это политическое единство обеспечивало целостность церковного канонического пространства. Поэтому дальнейшее увеличение полномочий киевских митрополитов и епископата в целом означало признание института киевских митрополитов в качестве важнейшего элемента социально-политической, экономической и культурной жизни Руси. Сами же киевские первосвященники стали неотъемлемой частью местных политических элит. В итоге, по мере ослабления политической целостности Руси напоминанием о некогда едином политическом пространстве стала выступать церковь в лице института киевских первоиерархов.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

Монографии:

1. *Гайденко П.И.* Очерки истории церковно-государственных отношений в Киевской Руси: Становление высшего церковного управления (1037-1093 гг.) / Под ред. И. П. Ермолаева, рец. И. Н. Данилевский, Я. В. Бухараев. – Казань: Тоис, 2006. – 186 с. (11 п.л.)
2. *Гайденко П.И., Фомина Т.Ю.* Обзор письменных источников по истории русской церкви и церковно-государственных отношений в домонгольской Руси. Т. 1. Источники по истории русской церкви и церковно-государственных отношений в Киевской Руси (до 1154 г.). Ч. 1. Летописные и каноническо-правовые источники, назидательные послания

духовенства / П. И. Гайденко, Т. Ю. Фомина; под ред. И. Н. Данилевского и И. П. Ермолаева; рец. Н. К. Гаврюшин, А. И. Мухамадеев, Я. В. Бухараев, Л. С. Астахова, свящ. Е. С. Харин. – Казань; Набережные Челны: Тоис, 2008. – 228 с. (28 п.л.)

Статьи в журналах, рекомендованных ВАК РФ для публикации основных положений докторских диссертаций:

3. *Гайденко П.И., Постнов Н.В.* События 1096 г.: незамеченные страницы церковно-государственных отношений // Известия Алтайского государственного университета: Серия История, Политология. – 2007. – 4/2. – С. 28-33. (0,5 п.л.)
4. *Гайденко П.И.* К вопросу о месте церкви в событиях 1093 года // Государственная служба. – 2008. – 1 (51). – С. 187-192. (0,3 п.л.)
5. *Гайденко П.И.* Церковный устав Ярослава как свидетельство религиозно-политической жизни Киевской Руси // Вестник Челябинского государственного университета: История. Выпуск 23. – 2008. – 5(106). – С. 80-87. (0,7 п.л.)
6. *Гайденко П.И.* Русская церковная иерархия в 988 году: византийская митрополия или пресвитерская миссия, руководимая князем? / П. И. Гайденко // Вестник Поморского университета: Серия «Гуманитарные и социальные науки». – 2008. – № 14. – С. 33-39. (0,5 п.л.)
7. *Гайденко П.И., Постнов Н.В.* Становление «критического метода» в церковной историографии (историографические наброски по истории русской церкви киевского периода) / П. И. Гайденко, Н. В. Постнов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. – 2009. – № 3. – С. 43-53. (0,7 п.л.)
8. *Гайденко П.И.* Несколько замечаний о состоянии христианской жизни на Руси накануне крещения / П. И. Гайденко // Вестник Челябинского государственного университета: История. Выпуск 35. – 2009. – 32 (170). – С. 88-94. (0,6 п.л.)
9. *Гайденко П.И.* Церковное управление в период великого княжения Всеволода Ярославича / П. И. Гайденко // Вестник Челябинского государственного университета: История. Выпуск 38. – 2009. – 41 (179). – С. 110-118. (0,6 п.л.)
10. *Гайденко П.И.* Ещё раз об «антицерковных выступлениях» 1071 года в Древней Руси / П. И. Гайденко // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2010. – Т. 9. – Вып. 1. – С. 46-51. (0,5 п.л.)
11. *Гайденко П.И.* Несколько замечаний о церковно-исторической науке (на примере исследования киевского периода Русской церкви) / П. И. Гайденко // Клио: журнал для учёных. – 2010. – 1 (48). – С. 61-65. (0,7 п.л.)

12. *Гайденко П.И.* Место русской церковной иерархии в событиях киевского восстания 1113 г. / П. И. Гайденко // Клио: журнал для учёных. – 2011. – 1 (52). – С. 34-37. (0,6 п.л.)
13. *Гайденко П.И., Филиппов В.Г.* Церковные суды в Древней Руси (XI – середины XIII века): несколько наблюдений / П. И. Гайденко, В. Г. Филиппов // Вестник Челябинского государственного университета: История. Выпуск 45. – 2011. – 12 (227). – С. 106-116. (0,7 п.л.)

Публикации в других изданиях:

14. *Гайденко П.И.* Проблемы высшего церковного управления эпохи Ярославичей / П. И. Гайденко // Человек верующий в культуре Древней Руси: Материалы международной конференции (5-6 декабря 2005 г.). – СПб.: Изд-во «Лема», 2005. – С. 160-167. (0,6 п.л.)
15. *Гайденко П.И.* Историческая ретроспектива государственной политики в религиозной области / П. И. Гайденко // Актуальные проблемы государственной инновационной политики (региональный аспект): Материалы республиканской научно-практической конференции (22-июня 2005г.) / научный ред. А. Н. Ершов. – Казань: Центр инновационных технологий, 2005. – С. 67-71. (0,4 п.л.)
16. *Гайденко П.И.* О перспективах интеграции богословского и светского образований / П. И. Гайденко // Материалы Всероссийской научной конференции «Современное российское общество: состояние и перспективы». (Первые казанские социологические чтения). Казань, 15-16 ноября 2005 г. – Казань: Центр инновационных технологий, 2006. – Т. 1. – С. 365-369. (0,4 п.л.)
17. *Пётр, иером. (Гайденко П.И.)* Заметки о церковной жизни в первые годы после смерти Ярослава Мудрого / иером. Пётр (П. И. Гайденко) // Православие в поликонфессиональном обществе: история и современность. Материалы всероссийской конференции, посвящённой 450-летию Казанской епархии РПЦ / под ред. Р. А. Набиева. – Казань: Магариф, 2006. – С. 161-181. (0,8 п.л.)
18. *Гайденко П.И.* К вопросу о церковном управлении во времена Святослава Ярославича / П. И. Гайденко // Христианское просвещение и русская культура: Доклады и сообщения IX научно-богословской конференции, 25 мая 2006 г. Йошкар-Ола, 2006. – Йошкар-Ола: Йошкар-Олинская и Марийская епархия, 2006. – С. 99-107. (0,7 п.л.)
19. *Гайденко П.И.* К вопросу об эволюции высшего церковного управления (дело митрополита Илариона и Луки Жидяты) / П. И. Гайденко // Учёные записки института социальных и гуманитарных знаний / науч. ред. К. Н. Пономарёв. – Казань: Изд-во «Юниверсум», 2007. – Вып. 6. – С. 45-56. (0,8 п.л.)

20. *Гайденко П.И.* Христианская культура Древней Руси: парадоксы истории и культурологи / П. И. Гайденко // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств: материалы аспирантских чтений «Молодёжь, наука, культура: прогностическая парадигма» (Казань. 18 апреля 2007 г.). – 2007. – С. 32-35. (0,5 п.л.)
21. *Гайденко П.И.* К вопросу о статусе церковной исторической школы в современной исторической науке / П. И. Гайденко // Философия и методология истории: сб. науч. ст. Всероссийской науч. конф., Коломна, 17-18 мая 2007 г. Федеральное агентство по образованию, Мин. обр. Моск. обл., Колом. гос. пед. ин-т / отв. ред. С. Г. Калашников. – Коломна: КГПИ, 2007. – С. 267-271. (0,4 п.л.)
22. *Гайденко П.И.* Рецепция барочного мировоззрения в церковно-исторической литературе XVIII-XIX вв. / П. И. Гайденко // Человек в культуре русского барокко: Сборник статей по материалам международной конференции. ИФ РАН Москва, Историко-архитектурный музей «Новый Иерусалим». 28-30 сентября 2006 г. / отв. ред. М. С. Киселёва. – М.: ИФ РАН, 2007. – С. 409-414. (0,5 п.л.)
23. *Гайденко П.И.* К вопросу об источниках библейских правовых норм в древнерусском законодательстве XI в. / П. И. Гайденко // Христианское просвещение и русская культура: Доклады и сообщения X научно-богословской конференции. 24-25 мая 2007 г. Йошкар-Ола. – Йошкар-Ола: Йошкар-Олинская и Марийская епархия, 2007. – С. 52-68. (0,7 п.л.)
24. *Гайденко П.И.* О месте церковных исследований в научной историографии (в контексте истории церкви в древней Руси) / П. И. Гайденко // Вспомогательные исторические дисциплины – источниковедение – методология истории в системе гуманитарного знания: материалы XX международной науч. конф. Москва, 31 янв. – 2 февр. 2008 г.: в 2 ч. / отв. ред. М. Ф. Румянцева. – М.: РГГУ, 2008. – Ч. 2. – С. 250-252. (0,2 п.л.)
25. *Пётр (Гайденко), иером.* К вопросу о подлинности Устава князя Владимира «О десятинах, судах и людях церковных» / П. И. Гайденко // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета: Серия № 2: История, история русской православной церкви. – 2008. – № 1 (26). – С. 7-16. (0,7 п.л.)
26. *Гайденко П.И.* Отзыв о диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук Е.С. Харина «Древнерусское монашество в XI–XIII вв.: быт и нравы» / П. И. Гайденко // Клио: журнал для учёных. – 2008. – 2 (41). – С. 153-158. (0,4 п.л.)
27. *Гайденко П.И.* История Русской церкви: научная достоверность как религиозно-нравственная проблема (краткие тезисы) / П. И. Гайденко // Философское и педагогическое наследие: Вторые Махмутовские чтения: Материалы международного симпозиума. Казань, 15-16 мая 2008 /

- под науч. ред. Г. В. Мухаметзянова, Н. А. Чисталина, В. А. Киносьяна, О. Ю. Порошенко. – Казань: Школа, 2008. – С. 385-387. (0,2 п.л.)
28. *Гайденко П.И.* О некоторых задачах дальнейшего изучения древнейшего периода истории Русской церкви / П. И. Гайденко // Каптеревские чтения. 6 / отв. ред. М. В. Бибилов. – М.: ИВИ РАН, 2008. – С. 36-45. (0,7 п.л.)
29. *Гайденко П.И.* Христианская жизнь Киевской Руси в западноевропейских источниках (несколько наблюдений по проблеме формирования церковного источниковедения) / П. И. Гайденко // Христианское просвещение и русская культура: Доклады и сообщения XI научно-богословской конференции, 26-27 мая 2008 г. Йошкар-Ола, 2008. – Йошкар-Ола: Йошкар-Олинская и Марийская епархия, 2008. – С. 25-36. (0,7 п.л.)
30. *Гайденко П.И.* Православный взгляд на прошлое или новый вариант альтернативной истории? (Рецензия на учебник В. И. Петрушко «История Русской Церкви с древнейших времён до установления патриаршества») / П. И. Гайденко // Клио: журнал для учёных. – 2009. – 1 (44). – С. 151-154. (0,4 п.л.)
31. *Пётр (Гайденко), иером.* Христианская церковь в Киевской Руси: история изучения. Становление церковной историографии / иером. Пётр (Гайденко) // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета: Серия № 2: История, история русской православной церкви. – 2009. – № 2 (31). – С. 7-19. (0,8 п.л.)
32. *Гайденко П.И.* Ещё раз о суде Лукой Жидятой (1055-1059 гг.) / П. И. Гайденко // Каптеревские чтения. 7 / отв. ред. М. В. Бибилов. – М.: ИВИ РАН, 2009. – С. 53-63. (0,7 п.л.)
33. *Гайденко П.И.* О личностях русских митрополитов времени Ярослава Мудрого / П. И. Гайденко // Христианское просвещение и русская культура: Доклады и сообщения XII научно-богословской конференции, 25 мая 2009 г. Йошкар-Ола, 2009. – Йошкар-Ола: Йошкар-Олинская и Марийская епархия, 2009. – С. 10-21. (0,6 п.л.)
34. *Гайденко П.И., Филиппов В.Г.* К вопросу о церковной собственности и церковных доходах в Киевской Руси (постановка проблемы) / П. И. Гайденко, В. Г. Филиппов // Финно-угры – славяне – турки: Опыт взаимодействия (традиции и новации): Сборник материалов Всероссийской научной конференции / Удм. ин-т истории, языка и литературы УрО РАН, УдГУ; сост. и ред. А. Е. Загребин, В. В. Пузанов. – Ижевск: Из-во «Удмуртский университет», 2009. – С. 624-631. (0,6 п.л.)
35. *Гайденко П.И.* Религиозно-политическая жизнь Киевской Руси в назидательных посланиях древнерусского духовенства / П. И. Гайденко // Ежегодник историко-антропологических исследований. 2009 / отв. ред. В. М. Козьменко, В. В. Керров, М. Ф. Румянцева. – М.: Изд-во «Экон-Информ», 2009. – С. 151-165. (0,8 п.л.)

36. *Пётр (Гайденко), иером.* Были ли епископат и духовенство Киевской Руси феодалами? / иером. Пётр (Гайденко) // Православие в судьбе Урала и России: история и современность. Материалы всероссийской научно-практической конференции. Г. Екатеринбург, 18-20 апреля 2010 г. / отв. ред. В. В. Алексеев. – Екатеринбург: ИИА УрО РАН, изд-во Екатеринбургской епархии, 2010. – С. 85-89. (0,5 п.л.)

Учебное пособие:

37. *Гайденко П.И., Фомина Т.Ю.* История Русской церкви и церковно-государственных отношений в Киевской Руси (обзор письменных источников): Учеб. пособ. с грифом УМО / П. И. Гайденко, Т. Ю. Фомина; под ред. И. Н. Данилевского и И. П. Ермолаева. – М.: Университетская книга, 2009. – 228 с. (28 п.л.)